



Оливер Пётч
Дочь палача
Серия «Дочь палача», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449761
Дочь палача: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69880-6

Аннотация

Якоб Куизль – грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

В апреле 1659 года жителей Шонгау охватил ужас. В канун весенних празднеств один за другим погибают дети-сироты. У каждого на плече таинственный знак, похожий на колдовскую отметину. Видит Бог, во всем виновата местная знахарка – старая ведьма Марта Штехлин! Она подозрительно часто общалась с бедными детьми! Якоб Куизль, по распоряжению городского совета, каленым железом должен вырвать из ведьмы признание в совершении богопротивных деяний. Но палач слишком хорошо знает Марту... Он не верит в ее вину и начинает свое собственное расследование. Расследование, обреченное на трагичный финал, если бы не помощь его дочери – красавицы Магдалены...

Содержание

Пролог	6
1	12
2	19
3	28
4	36
5	48
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Оливер Пётч

Дочь палача

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Памяти Фритца Куизля

*Посвящается Никласу и Лили,
продолжателям династии*

Действующие лица:

Якоб Куизль – палач Шонгау
Симон Фронвизер – сын городского лекаря
Магдалена Куизль – дочь палача
Анна Мария Куизль – жена палача
Георг и Барбара Куизль (близнецы) – младшие дети палача

Бонифаций Фронвизер – городской лекарь
Марта Штехлин – знахарка
Йозеф Гриммер – извозчик
Георг Ригг – извозчик
Конрад Вебер – городской священник
Катарина Даубенбергер – знахарка из Пайтинга
Резль – служанка в трактире «У золотой звезды»
Мартин Хойбер – бригадир из Аугсбурга
Франц Штрассер – трактирщик из Альтенштадта
Клемент Кратц – лоточник
Агата Кратц – его жена
Мария Шреефогль – жена городского советника
Граф Вольф Дитрих фон Зандицелль – княжеский управляющий

Городской совет

Иоганн Лехнер – судебный секретарь
Карл Земер – первый бургомистр и хозяин трактира «У золотой звезды»
Маттиас Августин – член малого совета
Маттиас Хольцхофер – бургомистр
Йохан Пюхнер – бургомистр
Вильгельм Харденберг – содержатель Больницы святого духа
Якоб Шреефогль – гончар и свидетель допроса
Михаэль Бертольд – пекарь и свидетель допроса
Георг Августин – управляющий извозчиками и свидетель допроса

Дети

София Данглер – сирота, на попечении у ткача Андреаса Данглера

Антон Кратц – сирота, на попечении у лоточника Клементя Кратца
Клара Шреефогль – сирота, на попечении городского советника Якоба Шреефогля
Йоханнес Штрассер – сирота, на попечении у трактирщика Франца Штрассера
Петер Гриммер – сын Йозефа Гриммера, наполовину сирота

Ландскнехты

Кристиан Брауншвайгер

Андрэ Пиркхофер

Ганс Хоэнляйтнер

Кристоф Хольцапфель

Пролог

Шонгау, 12 октября 1624 года от Рождества Христова

Двенадцатого октября день словно был создан для казни. Всю неделю лил дождь, а в пятницу к празднику освящения церкви Господь все же смилостивился. Хоть осень и вступила в свои права, яркие солнечные лучи грели крыши домов, и над городом разносился шум. Повсюду раздавался смех, гремели барабаны, звенели колокольчики, а кое-где надрывалась и скрипка. Аромат хрустящих булочек и жареного мяса чуяли даже внизу, среди зловония Кожевенной улицы. Да, казнь обещала быть замечательной.

Якоб Куизль стоял в залитой светом комнате и пытался растолкать своего отца. Уже дважды за ними заходил стражник, и теперь от него не отделаешься. Палач Шонгау уронил голову на стол, и длинные непослушные волосы слиплись в луже настойки и пива. Он храпел и временами вздрагивал во сне.

Якоб склонился над ухом отца. От последнего несло спиртом и потом – холодным потом. От отца всегда так пахло перед казнью. Он вообще-то не был пьяницей, но когда оглашали приговор, сразу начинал беспробудно пить. Он почти не ел, кое-как ворочал языком и по ночам вскакивал с криком и в испарине. А последние два дня вообще не стоило попадаться ему на глаза. Жена, Катарина, знала об этом, поэтому постоянно забирала детей и уходила к свояченице. Оставался только Якоб. Он все-таки был старшим сыном и помощником отца.

– Надо ехать! Стражник ждет!

Сначала Якоб говорил шепотом, потом громче, а эти слова уже проревел. Наконец храпящий гигант пошевелился.

Иоганн Куизль поднял на сына налитые кровью глаза. Кожа его цветом напоминала дрожжевое тесто, а в черной спутанной бороде застряли остатки вчерашней похлебки. Он провел по лицу длинными крючковатыми пальцами и выпрямился во весь свой саженный рост. Какое-то время могучее тело раскачивалось, и казалось, что палач сейчас рухнет вперед. Но Иоганн Куизль выровнялся и расправил плечи.

Якоб протянул отцу запачканный фартук, кожаный плащ и перчатки. Гигант медленно оделся, убрал волосы со лба и, не произнося ни слова, направился к дальней стене комнаты. Там, между обеденной лавкой и красным углом с распятием и засушенными розами, висел меч правосудия. В длину он достигал двух аршин, был без острия и с короткой гардой. А клинок был такой острый, что мог в воздухе рассечь человеческий волос. Отец непрестанно точил его. На солнце меч блестел так, как будто его выковали только вчера. Но сколько ему лет, не знал никто. До Иоганна Куизля меч принадлежал его тестю, Йоргу Абрилю. А еще раньше – его отцу и деду. Однажды он достанется Якобу.

Возле двери ждал стражник, мелкий и тощий. Он то и дело оборачивался на городские стены. Они опаздывали, и господа, должно быть, уже потеряли всякое терпение.

– Готовь повозку, Якоб.

Голос отца звучал спокойно и низко. Будто это вовсе не он вопил и рыдал сегодняшней ночью.

Когда Иоганн Куизль протиснул огромное туловище в дверь, стражник невольно отступил в сторону и перекрестился. Палачам здесь были не особенно рады. Не зря его дом находился за городскими стенами на Кожевенной улице. Если он заказывал вино в трактире, то садился за свой отдельный стол. Прохожие на улице старались не встречаться с ним глазами – считалось, что это к несчастью, особенно в день казни. Даже перчатки, которые он сегодня надел, полагалось потом сжечь.

Палач уселся на скамейку возле дома и подставил лицо полуденному солнцу. Тот, кто увидел его вот так, ни за что не поверил бы, что еще час назад он сам с собой бредил в горячке. Иоганн Куизль слыл хорошим палачом – сильным, стремительным, без тени сомнения. Никто за пределами семьи не ведал, сколько спиртного он вливал в себя перед казнью. Сейчас Куизль-старший прикрыл глаза, словно прислушивался к какой-то отдаленной мелодии. Из города до сих пор доносился шум. Играла музыка, раздавался смех, где-то рядом распевал дрозд. Меч покоился у скамейки, как трость.

– Вережки не забудь! – крикнул палач сыну, не открывая глаз.

В сарае, пристроенном к дому, Якоб запряг дряхлую лошадь. Накануне он несколько часов отчищал двухколесную телегу. Но, как теперь понял, бесполезно – грязь и кровь въелись глубоко в дерево. Якоб прикрыл соломой самые скверные места, и теперь телега была готова к большому событию.

В свои двенадцать лет сын палача увидел уже несколько казней в непосредственной близости: два раза вешали, а однажды утопили воровку, трижды пойманную. Ему было шесть лет, когда впервые на его глазах повесили уличного грабителя. Якоб хорошо помнил, как тот четверть часа плясал в петле; толпа ликовала. В тот вечер отец принес домой особенно большой кусок баранины. После казней дела у семьи Куизлей всегда налаживались.

Якоб достал несколько веревок из сундука у стены сарая и положил в мешок, в котором уже лежали цепи, ржавые клещи и льняные тряпки, чтобы вытирать кровь. Все это мальчишка бросил в телегу и вывел запряженную клячу из сарая. Отец забрался в повозку и уселся на дне, скрестив ноги. Меч теперь покоился на его необъятных ляжках. Стражник торопливо зашагал вперед. Он рад был скорее оказаться подальше от палача.

– Трогай! – прокричал Иоганн Куизль.

Якоб взялся за вожжи, и повозка со скрипом тронулась.

Пока лошадь медленно тащила телегу к верхнему городу, Якоб беспрестанно оглядывался на отца. Сын всегда уважал семейное дело. Даже когда люди говорили, что занятие это позорно, Якоб не видел в нем ничего постыдного. Если уж кто и позорился, так это раскрашенные шлюхи и шуты. А у отца была хоть и тяжелая, но порядочная работа, которая требовала немалого умения. Якоб обучался у него нелегкому ремеслу убийства.

Если повезет и позволит курфюрст, то через несколько лет Якоб сдаст экзамен, чтобы самому стать палачом. Нужно будет отрубить голову – как полагается и без единой оплошности. Якоб еще ни разу не видел, как рубят головы. Тем более важно было ничего не пропустить сегодня.

Повозка между тем въехала по узкой и крутой улице в город и добралась до рыночной площади. Пространство перед домами сплошь заставили лотками и палатками. Покрытые грязью торговки продавали каленые орехи и ароматные хлебцы. Один угол заняла группа артистов, они жонглировали шарами и пели песенки, высмеивая детоубийцу. Хоть следующая ярмарка и ожидалась только в конце октября, о предстоящей казни судачили во всех ближайших деревнях. Люди болтали, ели и покупали лакомства, чтобы потом, словно гвоздем представления, насладиться кровавым зрелищем.

Якоб с высоты сиденья рассматривал людей, которые уставились на повозку, кто со смехом, а кто с изумлением. Таких было немного, большинство жителей уже спешили к лобному месту за городскими стенами. Казнь ожидалась сразу после обедни, то есть в запасе оставалось не более получаса.

Когда повозка с палачом выкатилась на мощеную площадь, музыка смолкла. Кто-то прокричал:

– Эй, палач! Заточил свой меч? Может, женишься на ней?

Народ развлекался. В Шонгау бытовал один обычай: палач мог пощадить преступницу, если брал ее в жены. Однако у Иоганна Куизля уже имелась жена. И нельзя сказать, что

Катарина Куизль была женщиной кроткой. Ее, дочь грозного палача Йорга Абриля, звали иногда Дочерью Крови или Женой Дьявола.

Повозка проехала по рыночной площади мимо амбара и направилась к городской стене, где возвышалась трехэтажная башня. Снаружи ее покрывала сажа, а окошки были узкими, как бойницы, да еще с решетками. Палач соскочил с повозки и вскинул меч на плечо. Затем отец и сын направились через каменную арку в прохладу тюрьмы. Узкие искрошенные ступеньки вели вниз, в темницу. Там, по правую и левую руку, располагались две массивные обитые железом двери, в них на уровне глаз были проделаны крохотные окошечки. В одном из них справа слышались чуть не детские рыдания и шепот священника. Якоб уловил обрывки латинских фраз.

Стражник отворил дверь, и в нос тут же ударила вонь. Несло потом, мочой и фекалиями. Сын палача невольно задержал дыхание.

Женщина в камере прекратила всхлипывать и принялась жалобно выть. Детоубийца поняла, что пришел ее конец. Священник тоже начал причитать еще громче. Всё вместе, крики и молитвы, сливалось в единый дьявольский гомон.

– Господь ведет меня, и ни в чем я не буду нуждаться...

Остальные стражники принялись выволакивать скорченную женщину наружу.

Элизабет Клеменция была некогда красивой женщиной со светлыми волосами до плеч, смеющимися глазами и тонкими губами. С ее лица, казалось, никогда не сходила легкая усмешка. Якоб не раз видел ее среди других служанок, когда они полоскали белье у Леха. Теперь ее остригли, лицо стало бледным и осунулось. Она куталась в грязную власяницу, и через ткань и кожу отчетливо проступали кости. Преступницам полагалось три дня питаться рационом палача, и едой их обеспечивал трактирщик Земер. Но бедняжка была настолько худой, словно ни к чему не притрагивалась.

Элизабет Клеменция прислуживала у коневода, и красота ее полюбились многим слугам. Они кружили возле нее, как мотыльки вокруг фонаря: дарили небольшие подарки, подстерегали у двери. Коневод ругался на чем свет стоит, но без толку. Кое-кто, говорили, и на сеновал с ней забирался.

Другая служанка нашла убитого ребенка за амбаром, в еще свежей могиле. Элизабет не начали даже толком пытаться, как она во всем созналась. От кого был ребенок, она сказать не могла или не захотела. Но женщины в городе шептались и сплетничали. Красота Элизабет довела ее до петли. И некоторые безобразные мещанские жены могли теперь спать спокойно. Все снова встало на свои места.

Теперь Элизабет кричала в ужасе и яростно отбивалась, пока стража силилась выволочь ее из камеры. Они пытались заковать ее, но она неизменно вырывалась из их объятий, словно скользкая рыба.

Затем случилось нечто поразительное. Палач выступил вперед и положил обе руки ей на плечи. Едва ли не с нежностью гигант склонился над тощей девушкой и что-то прошептал на ухо. Один Якоб стоял достаточно близко, чтобы расслышать:

– Будет не больно, Лизель. Обещаю тебе, больно не будет.

Девушка перестала кричать. Она, хоть и дрожала еще всем телом, все же дала себя связать. Стражники подняли взгляды на палача, в равной мере полные изумления и страха. Для них все выглядело так, будто Иоганн Куизль прошептал ей на ухо заклинание.

Наконец они вышли наружу, где жители Шонгау с нетерпением ожидали бедную грешницу. Горожане болтали и перешептывались, некоторые крестились и читали короткие молитвы. Сверху с колокольни донесся звон. Пронзительный и высокий, он разносился ветром по всему городу. Насмешки смолкли, колокола звенели в полной тишине. Люди разглядывали Элизабет Клеменцию, жившую некогда среди них, словно пойманное дикое животное.

Иоганн Куизль подвел дрожащую девушку к повозке и снова что-то шепнул на ухо. Потом протянул ей небольшую бутылочку. Пока Элизабет соображала, он неожиданно обхватил и запрокинул ей голову, а затем влил жидкость в рот. Мало кто успел что-либо понять, настолько быстро все произошло. Глаза Элизабет остекленели. Она забралась в угол повозки и легла на дно. Дрожь прекратилась, дыхание выровнялось. Напиток Куизля в Шонгау знали хорошо. Милость, какую он оказывал не всякому осужденному. Десять лет назад убийца и расхититель церковных подношений почувствовал каждый удар, когда Куизль дробил ему кости. Колесованный, он кричал так долго, что палачу пришлось, в конце концов, перебить ему последним ударом гортань.

Вообще приговоренные к смерти шли к месту казни самостоятельно, либо их, завернутых в шкуры, тащили лошаадьми. Но палач по опыту знал, что детоубийцы обычно не могли идти сами. Чтобы избежать истерики, в них вливали полных три литра вина, и питье делало свое дело. В основном девушки становились настолько вялыми, что их приходилось чуть ли не нести к плахе. Иоганн Куизль использовал для этого повозку. Она, помимо прочего, удерживала некоторых от лишних проклятий, которые осужденная унесла бы на тот свет.

На этот раз Иоганн сам правил лошадьми, а сын шел рядом. Толпа обступила их и глазела на повозку, так что продвигаться приходилось медленно. Францисканский священник между тем забрался к приговоренной и перебирал над ней четки.

Процессия неспешно объехала городской амбар и наконец остановилась у северной стены строения. Якоб увидел кузнеца из Куриного переулкa, который ждал возле жаровни. Крепкие, мозолистые руки качали мехи, раздувая угли. Клещи в них раскалились до кроваво-красного сияния.

Стражники стащили Элизабет с повозки, словно чучело. Глаза девушки уставились в пустоту. Когда палач сжал клещами плечо бедняжке, она лишь тонко вскрикнула и снова погрузилась в собственный мир. Зашипело, поднялся дымок, и в ноздри Якобу ударил запах жареного мяса. Хоть отец и рассказывал ему, как все будет, он с трудом поборол тошноту.

Повозка останавливалась еще трижды – с каждой стороны амбара, – и ритуал повторялся. Щипцы по одному разу хватали Элизабет за левую руку, левую и правую груди. Однако благодаря напитку боль не переступала допустимых границ. Элизабет начала лишь напевать что-то детское и с улыбкой поглаживать себя по животу.

– Спи, дитяtko, засыпай...

Они покинули Шонгау через Главные ворота и направились по Альтенштадтской дороге к месту казни, которое виднелось уже издалека. Травянистое, с проплешинами, поле расположилось между пашнями и подступающим лесом. Там собрались все горожане и жители прилегающих деревень. Для членов городского совета поставили скамейки и стулья. Народ разместился позади и коротал время слухами и сладостями. Посередине возвышался эшафот. В высоту он достигал двух метров, и наверх вела деревянная лесенка.

Когда повозка подъехала к площади, толпа расступилась. Любопытные пытались выловить взглядом детоубийцу, свернувшуюся на днище.

– Пусть она встанет. Выше! Подними! Покажи нам ее, палач!

Народ явно был озлоблен. Многие ждали с самого утра – и теперь не могли даже взглянуть на преступницу. Уже полетели первые камни и гнилые фрукты. Священник пригнулся в надежде сберечь свои коричневые одеяния, но несколько яблок все же угодили ему в спину. Стражники оттеснили толпу, превратившуюся в одно громадное существо, которое обволокло повозку и грозило проглотить целиком.

Иоганн Куизль спокойно подвел повозку к платформе. Там дожидались городские советники и бургграф Михаэль Хиршманн. Как местный представитель курфюрста, он самолично зачитал приговор две недели назад. Сейчас бургграф еще раз со скорбью заглянул девушке в глаза. Он знал ее с самого детства.

– Что же ты наделала, Лизель?

– Ничего. Ничегошеньки я не делала, – Элизабет Клеменция посмотрела на управляющего глазами уже убитой и снова погладила себя по животу.

– То ведомо одному лишь Господу, – пробормотал Хиршманн.

Он кивнул, и палач повел преступницу на эшафот по восьми ступенькам. Якоб следовал за ними. Элизабет дважды споткнулась, пока закончила последний в своей жизни подъем. Наверху уже ждали другой священник и городской глашатай. Якоб с высоты осмотрел луг. Он видел, как сотни людей с напряженными лицами разевали рты и пожирали их глазами. Советники заняли места. Над городом вновь прозвенел колокол. Все замерло в ожидании.

Палач легонько подтолкнул Элизабет, и та встала на колени. Затем он завязал ей глаза одной из взятых тряпиц. Мелкая дрожь сотрясала девушку, она шептала молитву.

– *Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах...*

Глашатай прокашлялся и повторно огласил приговор. Якобу голос казался далеким шепотом.

– ...что следует тебе душу свою обратить к Господу и принять тихую и милостивую смерть...

Отец пихнул сына.

– Подержишь ее, – прошептал он насколько возможно тихо, чтобы не мешать речи.

– Чего?

– Подтянешь ее за голову вверх, чтобы я хорошо попал. Иначе она упадет.

Тело осужденной и в самом деле постепенно заваливалось вперед. Якоб занервничал. До сих пор все обходилось лишь тем, что он должен был только наблюдать за казнью. О помощи отец никогда еще не заговаривал. Однако раздумывать было поздно. Якоб схватил Элизабет Клеменцию за короткие волосы и потянул вверх. Она всхлипывала. Мальчик чувствовал, как вспотели ладони, и вытянул руки, чтобы дать пространство отцовскому мечу. Целое искусство – вот так, вложив силу обеих рук, единственным ударом попасть точно между двумя позвонками. Мгновение, порыв ветра – и все позади. Разумеется только, если сделать все правильно.

– ...сохрани Господь твою душу.

Глашатай закончил говорить, достал тонкую черную палочку, поднял ее над Элизабет и сломал. Треск пронесся над всей площадью.

Бургграф кивнул Иоганну. Палач поднял меч и замахнулся.

В это мгновение Якоб почувствовал, что волосы приговоренной начали выскальзывать из его потных ладоней. Он тянул голову Элизабет вверх – и вдруг девушка, словно мешок зерна, завалилась вперед. Мальчик увидел, как обрушился клинок отца, но вместо шеи врезался в голову возле уха. Элизабет корчилась на полу эшафота и визжала, обезумев от боли. В виске зияла глубокая рана, и в луже крови Якоб разглядел половину уха.

Повязка съехала с лица изувеченной, и она расширенными от ужаса глазами смотрела вверх на палача, который стоял над ней с мечом. Толпа взвыла в один голос. Якоб ощутил, как подступила к горлу тошнота.

Отец оттолкнул его и снова замахнулся. Но Элизабет Клеменция, увидев несущийся на нее меч, откатилась в сторону. На этот раз клинок угодил в плечо и вошел глубоко в основание шеи. Кровь из раны брызнула фонтаном и залила палача, слугу и побледневшего священника.

Элизабет поползла к краю эшафота на четвереньках. Большинство горожан смотрели на представление с ужасом, хотя кого-то зрелище и развлекало. Некоторые начали бросать в палача камни. Народ не любил, если тот плошал с мечом.

Иоганн Куизль хотел поскорее покончить с этим. Он встал возле стонущей женщины и замахнулся в третий раз. Теперь он попал точно между третьим и четвертым позвонками. Но голова осталась на месте – она еще держалась на сухожилиях и мясе. Потребовался еще один удар, чтобы отделить ее от туловища.

Голова покатилась по доскам и остановилась прямо перед Якобом. У него потемнело в глазах, и желудок, наконец, не выдержал. Мальчишка упал на колени и исторг из себя разбавленное пиво и овсяную кашу – сегодняшний завтрак. Его рвало, пока не осталась лишь зеленая желчь. Он будто сквозь пелену слышал, как кричали люди, бушевали советники и тяжело дышал над ним отец.

Спи дитяtko, засыпай...

Прежде чем погрузиться в благословенное забвение, Якоб Куизль успел решить для себя: никогда он не пойдет по стопам отца. Никогда не станет палачом.

И рухнул головой в лужу крови.

1

*Шонгау, утро 24 апреля 1659 года от Рождества Христова
35 лет спустя...*

Магдалена Куизль сидела на скамейке перед маленьким покосившимся домом. Она зажимала между коленей тяжелую бронзовую ступку и размеренными движениями растирала в мелкий зеленый порошок тимьян, плаун и горлянку. Пряный аромат щекотал ноздри и напоминал о приближении лета. Солнце светило в загорелое лицо, так что приходилось щуриться. По лбу стекали капельки пота. То был первый по-настоящему теплый день.

За оградой в саду играли ее младшие брат и сестра, шестилетние близнецы Георг и Барбара. Они бегали через кусты бузины, на которых только начали распускаться почки. Длинные ветки, словно ладони, шлепали их по лицу, и они каждый раз визжали от восторга. Магдалена невольно улыбнулась. Она вспомнила, как всего несколько лет назад точно так же убегала от отца. Как сейчас она видела перед собой его крупную, массивную фигуру, как он, подняв ручищи и грозно рыча по-медвежьему, гонялся за ней. С отцом было замечательно играть. Магдалена никогда не понимала, почему люди в городе при встрече с ним переходили на другую сторону улицы или шептали молитвы. Только позже она поняла, что теми ручищами он мог не только играть. Это случилось на холме висельников – Якоб Куизль накинул на шею вору петлю и затянул.

Но несмотря на всё это, Магдалена гордилась семьей. Еще ее прадед Йорг Абриль и дед Иоганн Куизль были палачами. Отец Якоб перенял это ремесло от дедушки, и младший брат Георг тоже через несколько лет начнет обучаться у отца. Когда она была еще маленькой, мать рассказывала перед сном, что отец не всегда был палачом. Прежде он много лет провел на войне, пока судьба снова не забросила его в Шонгау. Когда Магдалена спросила, чем таким он занимался на войне и почему дальним походам в панцире и с саблей наперевес предпочел рубить людям головы, мать замолчала и приложила палец к губам дочери.

Магдалена растерла травы и высыпала зеленый порошок в глиняный горшочек, который плотно закупирила. Отвар из пахучей смеси помогал женщинам – известное средство прекратить нежелательную беременность. Тимьян и плаун росли в каждом втором саду, но только отец знал, где достать редкую горлянку. Даже повитухи из соседних деревень приходили к нему за снадобьем. Он называл его девичьим порошком и зарабатывал на продаже лишнюю монетку.

Магдалена откинула прядь волос, которая то и дело падала на лицо. Непослушные волосы и густые брови достались ей от отца. Сверкающие черным блеском глаза всегда казались немного прищуренными. В свои двадцать лет она была самой старшей из детей палача. Потом два ребенка родились мертвыми, а еще трое появились на свет такими слабенькими, что не прожили и года. И наконец родились близнецы. Отец ими так гордился, что Магдалена чувствовала иногда что-то вроде зависти. Георг, как единственный сын, станет обучаться отцовскому ремеслу, а Барбара, совсем еще девочка, до сих пор верила в мечты о мире на земле. Магдалена же приняла участь отпрыска палача, дочери крови, к которой и прикоснуться никто не смел, у которой шептались и посмеивались за спиной. Она вздохнула. Уже сейчас дальнейшая жизнь казалась ей predetermined. Ее выдадут за палача из другого города, потому что так полагалось, и иначе быть не могло. При этом ей, конечно, нравились некоторые юноши в городе. Особенно один...

– Как закончишь с порошком, поди займись бельем. Оно само себя не выстирает.

Голос матери вырвал Магдалену из раздумий. Анна Мария Куизль предостерегающе взглянула на дочь. Руки матери были запачканы землей после работы в саду. Она вытерла пот со лба, прежде чем продолжить:

– Снова о парнях мечтаешь, уж я-то знаю. Выкинь их из головы. И без того болтают вокруг...

Она улыbnулась Магдалене, хотя та знала, что мать не шутила. Она была женщиной прямолинейной и говорила только по делу. Мечты дочери она никоим образом не одобряла. Еще она считала, что ни к чему было отцу приучать Магдалену к чтению. На девушку, уткнувшуюся в книгу, мужчины смотрят обычно искоса. А когда дочь палача строит глазки парням, тут уж и до позорной маски с позорным столбом недалеко. Уже не раз Анна Мария в мрачных тонах описывала мужу, как он наденет колодки на собственную дочь и поведет ее по городу.

– Хорошо, мама, – сказала Магдалена и поставила ступку на скамью. – Отнесу белье к реке.

Взяла корзину с грязными простынями и под задумчивым взглядом матери вышла через сад на дорогу, спускавшуюся к Леху.

Прямо за домом узкая тропинка вела вдоль красивых домов, палисадников и амбаров к берегу, к месту, где река образовывала маленькую неглубокую заводь. Магдалена взглянула, как кружились водовороты на середине реки. Сейчас, по весне, вода поднялась до самых берез и несла с собой ветки или целые деревья. Магдалене показалось, что в темном потоке проплыл кусок ткани или что-то похожее, но присмотревшись, она увидела только ветки и листья.

Девушка нагнулась, достала белье и принялась вычищать его на гальке. При этом она вспоминала праздник на Паульсмаркт, прошедший три недели назад, и праздничные танцы. А особенно танец с *ним*... Магдалена увидела его снова лишь в прошлое воскресенье на мессе. Когда она, опустив голову, заняла место в самом последнем ряду, он встал, чтобы получить благословение, при этом он подмигнул ей. Она не выдержала и захихикала, а другие девушки злобно на нее оглянулись.

Магдалена мурлыкала песенку и ритмично хлестала мокрыми простынями о гальку.

– *Жук навозный в вышине, а мой папа на войне...*

Она настолько была погружена в свои мысли, что поначалу приняла крики за плод собственного воображения. Через некоторое время она поняла, что высокие плачущие звуки доносились до нее откуда-то сверху по реке.

Дровосек из Шонгау с высоты крутого обрыва первым увидел мальчика. Ребенок вцепился в ствол дерева; беднягу швыряло в бурунах, будто невесомый листочек. Сперва лесоруб не признал человека в комочке среди пенящихся волн под обрывом. Но когда тот начал барахтаться и дико метаться, дровосек закричал плотогонам, которые с рассветом отправились в свой первый рейс до Аугсбурга. Лишь у Кинзау, в четырех милях севернее Шонгау, берег становился пологим и Лех успокаивался достаточно, чтобы мужчины осмелились подобраться поближе к мальчишке. Они пытались выловить его длинными шестами, но он постоянно соскальзывал, как рыба. Один раз он полностью ушел под воду вместе с бревном и удивительно долго не появлялся на поверхности, а потом всплыл, будто пробка, совсем в другом месте.

Мальчик снова собрался с силами, приподнялся на скользком бревне и вытянул голову, чтобы глотнуть воздуха. Он протянул правую руку к шесту, но вытянутые пальцы схватили лишь пустоту. Бревно с глухим стуком налетело на другие бревна, которые сгрудились у пристани. Из-за толчка мальчик потерял опору, руки соскользнули, и он скрылся среди десятка огромных стволов.

Плотогоны тем временем подплыли к небольшому мостику у Кинзау. Спешно привязав плоты, они осторожно ступили на шаткую поверхность, которую бревна образовали возле берега. Не потерять равновесие на скользких стволах даже для матерых плотогонов было задачей не из легких. Проще простого слететь вниз и быть размолотым гигантскими елями и буками. Но течение в этом месте слабело, и бревна только покачивались, вяло и грозно.

Спустя несколько мгновений двое мужчин добрались до дерева, за которое ухватился мальчик. Они просунули шести между стволами, надеясь, что их легко будет раздвинуть. Бревна под ними начали качаться и крутиться. Приходилось удерживать равновесие, босые ступни скользили по ослизлой коре.

– Поймал! – закричал вдруг один, более сильный мужчина.

Сильными ручищами он поднял из воды шест вместе с мальчиком и, будто рыбу на удочке, швырнул его на спасительный берег.

Крики плотогонов привлекли к происходящему и других. к реке сбежались зеваки из ближнего Кинзау и несколько возчиков. Теперь все столпились у шаткого мостика и глазели на распластавшегося беднягу.

Сильный плотогон убрал волосы со лба мальчишки, и по толпе пробежал шепот.

Лицо заплыло синяками, а на затылке обнаружилась рана, как от сильного удара поленом. Мальчик хрипел. Сквозь мокрую куртку на доски стекала кровь и капала в реку. Он не просто упал в воду. Кто-то толкнул его, а прежде этот кто-то сильно его ударил.

– Это сынок Йозефа Гриммера, возчика из Шонгау! – воскликнул мужчина, стоявший в стороне у воловьей упряжки. – Я знаю его! Постоянно бывал с отцом у пристаней. Грузите быстрее в повозку, отвезу его в Шонгау.

– И кто-нибудь пусть сбегает, скажет Гриммеру, что его сын при смерти! – крикнул кто-то из толпы. – Господи, он уже столько детей потерял...

– Скажите еще, что он не протянет долго, – пробормотал плотогон и отвесил несколько оплеух любопытным мальчишкам. – Ну же, быстрее! И пошлите за цирюльником или лекарем.

Пока мальчишки пустились в Шонгау, хрипы раненого поутихли. Он дрожал всем телом и, казалось, что-то шептал. Быть может, последнюю молитву. На вид ему было лет двенадцать, он выглядел худым и бледным, как почти все дети его возраста. Последний раз он досыта ел несколько недель назад. От ежедневной ячменной похлебки с разбавленным пивом у него запали щеки.

Мальчик непрестанно тянулся правой рукой в пустоту, бормотание то усиливалось, то стихало – как журчание воды под мостиком. Кто-то из плотогонов склонился над ним, силясь понять, что он говорил. Но шепот сменился бульканьем, и в уголках рта проступили пузырьки крови, смешанной со слюной.

Люди подняли умирающего в телегу, возница шелкнул кнутом и направил повозку по дороге в Шонгау. Ехали часа два, и по пути к тихому шествию примыкало все больше людей. Когда процессия добралась наконец до пристаней, за повозкой набралось дюжины две народу: детей, крестьян, причитающих зевак. Вокруг волов тявкали собаки, кто-то молился под нос Деве Марии. У дамбы возле складов повозка остановилась. Плотогоны осторожно спустили мальчика и уложили на солому, ближе к берегу, прямо возле бурлящих вод Леха, который неустанно обмывал опоры пристани.

Громящие по деревянному настилу шаги заставили народ умолкнуть. Отец мальчика ждал немного в стороне, словно избегал того решающего, самого последнего мгновения. Теперь он, побледнев, продирался через толпу.

У Йозефа Гриммера было восемь детей, которые один за другим умерли у него на руках – от чумы, диареи, лихорадки, или просто потому, что Господь Бог того пожелал. Шестилетний Ганс утонул в Лехе во время игры, трехлетнюю Марию затоптали лошадьми пьяные

солдаты в переулке. Вместе с самым младшим умерла при родах жена. Маленький Петер был всем, что осталось, у старого Гриммера. Когда он увидел сына вот так, лежащим, он понял, что и его, последнюю отраду, Бог решил забрать. Мужчина опустился на колени и заботливо убрал волосы с лица ребенка. Глаза Петера были уже закрыты, грудь тяжело вздымалась. Через несколько минут по телу пробежала последняя судорога, и мальчик затих.

Йозеф Гриммер запрокинул голову, и крик отчаяния разнесся над рекой. Голос его звучал высоко и пронзительно, словно женский.

Симон Фронвизер услышал крик одновременно с яростным стуком в дверь. От дома медика в Курином переулке до реки было рукой подать. Он и так уже оторвался от книг, когда оклики плотогонов отвлекли его от занятий. Когда крики раздались на улице, он понял: что-то случилось. В дверь застучали с удвоенной силой. Симон со вздохом закрыл пухлый том, речь в котором шла об анатомии. Эта книга тоже давала лишь знания о внешней поверхности человеческого тела. Составление сиропов, кровопускание как средство от всех болезней... ничего стоящего о внутреннем строении человека он так и не узнал. И сегодня, похоже, мало что изменится, потому что к стукам в дверь добавились голоса.

– Доктор, господин доктор, быстрее! Там у пристаней сын Гриммера, весь в крови. Скверно выглядит!

Симон накинул черный кафтан с медными пуговицами, провел рукой по длинным черным волосам и пригладил бородку перед зеркальцем в учебном кабинете. Волосы до плеч и ухоженная борода, которая снова вошла в моду, делали его старше своих двадцати пяти лет. Кое-кто из горожан считал Симона пижоном, но он не обращал на это внимания, зная, что у девушек на этот счет было иное мнение. Добрые черные глаза Симона, его ровный нос и изящный облик особенно полюбились женской части населения Шонгау. Кроме того, он каждодневно следил за собой. У него сохранились еще все зубы, он часто мылся и на скудное жалованье заказывал из Аугсбурга дорогие духи с ароматом роз. Покоя не давал лишь рост – немногим выше полутора метров. Поэтому на большинство мужчин и некоторых женщин Симон вынужден был смотреть снизу вверх. Впрочем, против этого выдумали сапоги на высокой подошве...

Стук перерос в размеренные удары. Симон поспешил вниз и распахнул двери. Перед ним стоял один из кожевников, работавших у реки. Габриель, насколько помнил Симон, он лечил работягу в свое время. Год назад медик накладывал ему шины на руку, после того как тот пьяным ввязался в драку на еврейском торгу. Симон принял серьезное выражение лица – он знал, чего требовала профессия.

– Что стряслось?

Кожевник недоверчиво посмотрел на него.

– Где ваш отец? Там у реки случилось несчастье.

– Отец в госпитале. Если это так срочно, придется довольствоваться мной или цирюльником.

– Цирюльник сам заболел...

Симон потер лоб. До сих пор его здесь принимали не более как сына лекаря. Хотя он учился в Ингольштадте и уже около семи лет помогал отцу в лечении всяких болячек. А в последние годы все больше лечил самостоятельно. Недавно довелось столкнуться с запущенным случаем лихорадки у маленькой дочери Шеффлера. Целыми днями Симон ставил ей компрессы и припарки, и применил новое лекарство – порошок из желтой коры, привезенный из восточной Индии, который называли «порошком иезуитов». Лихорадка спала, и Шеффлер заплатил Симону на два гульдена больше, чем полагалось. Несмотря на это, местные жители ему не доверяли.

Симон с вызовом посмотрел на мужчину. Тот пожал плечами и направился обратно. Он еще раз пренебрежительно взглянул на лекаря и бросил через плечо:

– Тогда идем быстрее, если, конечно, уже не поздно.

Симон поспешил за кожевником и свернул с ним на Монетную улицу. Сегодня, в День святого Георгия, многие ремесленники очень рано открыли свои лавки на первых этажах. В этот день работники и служанки из деревень вокруг Шонгау предлагали свои услуги. Потому на улицах сегодня было полно народу. Слева звонко стучал молотом кузнец, который как раз подковывал лошадь кого-то из советников. Мясник заколол возле дома свинью, и тонкие ручейки крови стекали по мостовой, так что лекарю приходилось перемахивать их широкими шагами, чтобы не запачкать новых сапог. Впереди пекарь продавал свежий хлеб. Симон знал, что в нем была одна мякина, которая хрустела на зубах. Белый хлеб могли себе позволить разве что члены городского совета, и то лишь по праздникам.

При этом жителям следовало радоваться, что теперь, на одиннадцатый год по прошествии Большой войны, они вообще могли что-то есть. За последние четыре года град уже дважды полностью уничтожил урожай. В мае прошлого года из-за ужасных ливней Лех вышел из берегов и смыл городскую мельницу. С тех пор жителям Шонгау приходилось возить зерно на мукомольню в Альтенштадт, если не дальше, – разумеется, по завышенным ценам. Многие поля в ближайших деревнях оставались невспаханными, крестьянские дома стояли заброшенные. За последние десять лет чума и голод унесли жизни каждого третьего. Те, кто мог, держали дома скотину и выращивали капусту и свеклу в собственных огородах.

Они вышли на рыночную площадь, и Симон бросил взгляд на городской амбар. Некогда склад, над которым разместился зал советов, считался гордостью Шонгау. Когда город был богатым и мог посоперничать с Аугсбургом, здесь останавливались и проезжали влиятельные купцы. Городок, расположившийся на берегу Леха и пересечении старинных торговых путей, был в свое время важным местом перегрузки всевозможных товаров. Война, однако, свела всё на нет. Амбар стоял в запустении, штукатурка обсыпалась со стен, и ворота покосились на петлях.

Шонгау обнищал во времена убийств и грабежей. Когда-то богатый и красивый город в баварской провинции превратился в прибежище безработных солдат и обездоленных. После войны пришли голод, болезни, гибель скота и град. Город был на грани, и Симон не знал, удастся ли вернуть ему прежний облик. Жители, однако, не спешили опускать руки. По дороге из Речных ворот вниз к реке Симон наблюдал, как сутились люди. Возчики вели повозки по крутому склону к рыночной площади, с другой стороны над Кожевенной улицей дымили трубы, а у самого берега копошились женщины с корытами и выплескивали грязную воду в стремительный Лех. Возвышаясь на горе над рекой и лесами, Шонгау, казалось, устремил исполненный гордости взгляд в сторону Аугсбурга, своего старшего и более сильного побратима. Симон невольно улыбнулся. Нет, этот город не опустится на колени. Жизнь продолжалась всем смертям назло.

Внизу у пристаней собралась большая толпа. Симон услышал тихую болтовню, и среди них неумолчные жалостливые крики мужчины. Лекарь пересек мост и свернул в сторону складов, примыкающих к причалу. Он с трудом протолкался сквозь толпу и оказался в самом ее центре.

На мокрых досках сидел, склонившись над окровавленным телом, возчик Йозеф Гриммер. Его широкая спина загораживала Симону весь вид. Он положил руку на плечо Гриммеру и почувствовал, как его сотрясает дрожь. Лишь через некоторое время мужчина заметил за собой лекаря и обратил к нему залитое слезами мертвенно-бледное лицо. Срывающимся голосом он, словно проклятие бросил в лицо Симону, выдавил из себя:

– Вот что они сделали с моим сыном! Закололи, как свинью! Я до них доберусь, уж я с ними поквитаюсь!

– С кем? – тихо спросил Симон, но возчик снова отвернулся с рыданиями к ребенку.

– Он про аугсбургских кучеров, – пробормотал кто-то рядом с ним. Симон понял, что Гриммер состоял в гильдии извозчиков.

– В последнее время с ними вечно споры не утихали, потому что им приходится передавать нам грузы, – продолжил собеседник. – Они говорят, мол, мы присваиваем часть товара. Йозеф повздорил с ними там, в «Звезде».

Симон кивнул. Ему самому довелось вправить несколько носов после той драки. Штрафам числа не было. Однако взаимная ненависть извозчиков Аугсбурга и Шонгау лишь возросла. Согласно старинному указу герцога, аугсбургские перевозчики доставляли товары из Венеции или Флоренции только до Шонгау, дальше ответственность переходила к местным. Транспортная монополия, словно бельмо на глазу, не давала аугсбургцам покоя.

Симон осторожно потеснил Гриммера, которого тут же приняли товарищи по гильдии, и склонился над мальчиком.

До сих пор никто не подумал снять с него рубашку. Симон разорвал ее – на груди живого места не было от колотых ран. Неизвестный, должно быть, утратил рассудок, раз так изуродовал ребенка. Затылок оказался разбит, из него сочилась светлая кровь. Симон предположил, что мальчик угодил в воде между стволами деревьев. Лицо было покрыто синяками, но их он тоже получил, скорее всего, уже в воде. Гигантские бревна набирали в течении чудовищную силу и могли раздавить человека, как гнилой овощ.

Симон послушал сердце мальчика. Затем достал зеркальце и подставил к разбитому носу – оно не запотело. Глаза оставались широко открытыми. Петер Гриммер был мертв.

Симон повернулся к присутствующим, которые молча наблюдали за его действиями.

– Мокрую тряпку, – попросил он.

Женщина протянула ему кусок ткани. Симон намочил его в реке и вытер грудь мальчика. Когда он смыл кровь, то насчитал семь укулов, все в области сердца. Несмотря на смертельные раны, Петер умер не сразу. По пути к пристаням кожевник Габриель рассказал, что мальчик совсем недавно еще бредил.

Симон перевернул мальчика и резким движением разорвал рубашку и на спине. Толпа охнула.

Пониже лопатки был нарисован фиолетовый знак величиной с ладонь, какой Симону еще не доводилось встречать. Он изображал круг, из которого снизу выступал крест.



На мгновение воцарилась тишина. Затем начались крики:

– Колдовство! Колдовство в действии!

– Ведьмы вернулись в Шонгау... Они заберут наших детей!

Симон потер пальцами рисунок – тот не стирался. Он что-то ему напоминал, но трудно было сказать, что именно. В этом мрачном цвете знак выглядел как печать дьявола.

Йозеф, до сих пор поддерживаемый друзьями, рванулся к телу сына. Некоторое время он смотрел на знак, словно не верил тому, что видит. А потом закричал:

– Это Штехлин! Знахарка, эта ведьма, нарисовала его... А потом убила моего сына!

Симону вспомнилось, что он в самом деле в последнее время все чаще видел мальчика у знахарки. Марта Штехлин жила рядом с Гриммером у Пастушьих ворот. С тех пор как Агнесс Гриммер умерла при родах, мальчишка часто искал утешения у знахарки. Гриммер так и не простил Штехлин, что она не смогла остановить кровотечение. Он отчасти винил ее в смерти жены.

– Спокойно! Это вовсе не значит, что...

Лекарь попытался перекрыть разгневанную толпу, но безуспешно. Имя Штехлин, подобно пожару, пронеслось над причалом. Некоторые уже бежали через мост к городу.

– Штехлин! Это Штехлин! Зовите стражу, арестовать ее!

Немного погода у берега не осталось никого, кроме Соимна и мертвого мальчика. Даже Йозеф Гриммер, забывшись в ярости, поспешил за всеми наверх. Слышно было лишь журчание реки.

Симон со вздохом завернул мальчика в полотно, в спешке оставленное прачками, поднял тело на плечи и, сгорбившись и крича, направился к Речным воротам. Он понимал, что сейчас ему мог помочь только один человек.

2

Вторник, 24 апреля 1659 года от Рождества Христова, 9 утра

Марта Штехлин стояла в комнате, погрузив окровавленные ладони в тазик с теплой водой. Волосы спутались, под глазами запали темные круги – она не спала тридцать часов. Роды у Клингенштайнер оказались самыми тяжелыми, какие Марта принимала в этом году. Ребенок шел ножками вперед. Штехлин смазала руки гусиным жиром и погрузила глубоко в утробу роженицы, чтобы перевернуть младенца, но тот постоянно выскальзывал.

Марии Йозефе Клингенштайнер было сорок лет, она успела перенести дюжину родов. Только девять родились живыми, и пятеро из них не дожили до весны. У Марии осталось четыре дочери, однако муж все еще надеялся на наследника. Знахарка успела понять, что в этот раз родится мальчик. Он пока еще был жив. Но с каждым часом возрастала вероятность, что либо мать, либо ребенок не выдержат эту борьбу.

Мария Йозефа кричала, билась и плакала. Она проклинала своего мужа, который, подобно племенному быку, вновь и вновь брюхатил ее после родов, проклинала ребенка и самого Господа. Когда занялся рассвет, знахарка была уверена, что мальчик погиб. Для таких случаев у нее имелся старый багор, которым она при необходимости вынимала мертворожденного из утробы, как кусок мяса, – иногда по частям. Остальные женщины в душевной комнате уже послали за священником, святая вода для срочного крещения стояла возле очага. Однако с очередным криком роженицы Марта за ножки вытянула ребенка наружу, и тот, словно жеребенок, потянулся к свету. Он жил.

Малыш был сильным. *И, быть может, убил собственную мать*, подумала Штехлин, глядя на бледную, вздрагивающую Марию Йозефу и отрезая пуповину. Жена кузнеца потеряла много крови, солома вокруг стала багровой и склизкой. Глаза женщины закатились, как у мертвой. Но, по крайней, у ее мужа теперь появился наследник.

Роды продолжались всю ночь. С утра Марта приготовила отвар из вина, чеснока и фенхеля для восстановления сил, отмыла роженицу и отправилась домой. Теперь она сидела за столом и пыталась скрыть усталость. Ближе к обеду к ней, как теперь часто происходило, заглянут дети. Собственных у нее не было, несмотря на то, что столь многих она приняла в этот мир. Тем более она радовалась тому, что София, маленький Петер и другие навещали ее. Хотя она и дивилась иногда, что такого они нашли в сорокалетней знахарке с ее мазями, горшочками и порошками.

У Марты заурчало в животе. Она вдруг поняла, что уже два дня ничего не ела. Подкрепившись холодной кашей из горшка над очагом, знахарка собиралась хорошенько прибраться. Чего-то ей недоставало. Чего-то такого, что не должно было попасть в чужие руки. Быть может, ей только чудилось...

С рыночной площади доносились крики. Сначала они были едва уловимы – невнятные голоса, тихие и грозные, словно гул стаи разгневанных пчел.

Марта подняла взгляд от миски. Снаружи что-то случилось. Но она слишком устала, чтобы идти к окну и выглядывать.

Затем крики стали ближе, послышался топот. Люди пересекли мощеную площадь, прошли возле трактира и, свернув в узкий переулок, направились к Пастушьим воротам. Теперь в гомоне Марта могла различить имя.

Свое имя.

– Штехлин, ведьма! Сжечь ее, на костер! Выходи, Штехлин!

Знахарка высунулась в окно на первом этаже, силясь понять, что же случилось, – и прямо в лоб ей ударил камень величиной с кулак. У Марты потемнело в глазах, она осела на

пол. Наконец придя в себя, увидела сквозь красную пелену, как начала распахиваться входная дверь. Марта вскочила с необычайной быстротой и уперлась в дверь с другой стороны. Кто-то пытался протиснуть ногу в щель. Затем дверь захлопнулась, и снаружи раздались яростные крики.

Марта пошарила по карманам в поисках ключа. Куда он мог деться? Кто-то снова толкнул дверь. Вот что-то блеснуло среди яблок на столе!.. Одновременно придерживая дверь, знахарка, ослепленная потом и кровью, потянулась к столу. Наконец она ухватила ключ и с щелчком повернула его в замке.

На дверь неожиданно перестали давить, но через секунду ее начали сотрясать мощные удары. По всей видимости, ее собрались вышибить тяжелым бревном. Совсем скоро тонкие доски треснули, кто-то просунул в щель волосатую руку и попытался схватить Марту.

– Штехлин, ведьма, выходи, пока мы не подожгли дом!

Марта смогла различить людей за разбитой дверью. Это были плотогоны и извозчики, многих она знала по именам. У большинства их жен знахарка принимала роды. Теперь глаза мужчин горели звериным блеском, пот катился по их лицам, они колотили в дверь и стены. Марта озиралась вокруг, как затравленное животное.

Вдребезги разлетелось окно. В него протиснулось могучее тело Йозефа Гриммера, ее соседа. Марта знала, что он до сих пор не простил ей смерть жены. Неужели именно это вызвало такой переполох? Гриммер размахивал доской с гвоздями.

– Я доберусь до тебя, Штехлин! И убью, прежде чем бросить в костер!

Марта бросилась к задней двери, ведущей к маленькому саду, который жался к городской стене. В саду Марта поняла, что там был тупик – с обеих сторон дома возвышались до уровня стен. А стены в высоту достигали трех метров, не забраться.

Прямо у стены росла маленькая яблоня. Марта устремилась к ней и полезла по веткам. С самого верха, возможно, удастся перебраться на парапет.

Из дома снова донесся звон стекла, затем распахнулась дверь в сад. На пороге стоял запыхавшийся Йозеф Гриммер; в руке он по-прежнему сжимал доску, утыканную гвоздями. За Гриммером в сад высыпали другие возчики.

Марта, как кошка, карабкалась по яблоне, все выше и выше, пока ветки не стали тоньше детских пальцев. Она ухватилась за край стены и попыталась перелезть на парапет.

Раздался треск.

Знахарка съехала вдоль стены вниз, разодрав пальцы, и осталась лежать на мокрой грядке. Йозеф Гриммер подскочил к ней и замахнулся доской для смертельного удара.

– Я бы не стал этого делать.

Возчик оглянулся наверх, откуда прозвучал голос. На парапете, прямо над Йозефом, стоял внушительного роста человек. С плеч свисал изодранный плащ, голову венчала широкополая шляпа с потрепанными перьями. Из-под полей виднелись черные нечесанные локоны и борода, долгое время не выдавшая цирюльника. Он стоял против света, поэтому разглядеть удавалось лишь крючковатый нос и длинную трубку, а лица не было видно.

Мужчина говорил, не вынимая трубки изо рта. Теперь он держал ее в руке и указывал на знахарку, которая со стоном скорчилась у стены.

– Убив ее, ты не вернешь жену. Не усложняй себе жизнь.

– Заткнись, Куизль! Тебя это не касается!

Йозеф Гриммер снова овладел собой. Как и остальных, его сначала поразило, каким образом мужчина этот подошел по стене так, чтобы никто его не заметил. Однако момент был упущен. Теперь Йозеф хотел отомстить, и никто ему в этом не помешает. Сжимая доску, он медленно двинулся к знахарке.

– Это убийство, Гриммер, – сказал человек с трубкой. – Ударишь – и я с радостью накину тебе петлю на шею. Обещаю, смерть не будет быстрой.

Йозеф Гриммер помедлил. В сомнении он обернулся на своих спутников, которые, как и он сам, явно смутились.

– На ее совести мой сын, Куизль, – сказал Гриммер. – Можешь сам посмотреть, там, у реки. Она околдовала его, а потом зарезала. И нарисовала на нем дьявольский знак.

– Если это так, то почему ты не возле сына, а за Мартой не пришли стражники?

Йозефа Гриммера словно теперь только осенило, что сын его до сих пор, должно быть, лежит у реки. В ярости потеряв над собой контроль, он просто оставил его на берегу и пустился за остальными. На глаза навернулись слезы.

С неожиданной для него ловкостью человек с трубкой зацепился за край стены и спрыгнул в сад. Он возвышался над остальными на целую голову. Гигант склонился над Мартой Штехлин. Теперь она видела его лицо совсем близко над своим. Этот крючковатый нос, морщины, словно борозды, густые брови и карие глубоко посаженные глаза... Глаза палача.

– Пойдешь со мной, – прошептал Якоб Куизль. – Отправимся к судебному секретарю. Он заключит тебя под стражу. Сейчас так безопаснее всего. Поняла?

Она кивнула. Голос палача, мягкий и мелодичный, успокаивал ее.

Знахарка неплохо знала Якоба Куизля, она приняла в мир всех его детей – живых и мертвых... При этом палач зачастую сам ей помогал. Временами она покупала у него отвары и компрессы против задержек и нежелательных детей. Марта знала его как любящего отца, который души не чаял в близнецах, самых младших своих детях. Но еще она видела, как он накидывал людям на шею петлю и затем выбивал из-под ног скамейку. «Теперь он и меня повесит, – думала знахарка. – Но перед этим спасет от расправы».

Куизль помог ей подняться и нетерпеливо огляделся.

– Сейчас я отведу Марту Штехлин в тюрьму, – сказал он. – Если она действительно как-то причастна к смерти Петера, то получит по заслугам, обещаю. А до тех пор оставьте ее в покое.

Без лишних объяснений палач схватил Марту за шиворот и повел между притихшими плотогонами и извозчиками. Знахарка не сомневалась, что угрозы его были не пустыми словами.

Симон Фронвизер кряхтел и ругался. Он чувствовал, как намокла спина. Это был не только пот, но и кровь, которая просачивалась сквозь тряпки. Кафтан придется перешивать, пятна на черной ткани слишком бросались в глаза. Кроме того, мертвое тело на плечах тяжело с каждым шагом.

Симон прошел со своим грузом мост через Лех и свернул направо, на Кожевенную улицу. Когда он достиг узких улочек, в нос ударил резкий запах мочи и разложения, который заполнял все вокруг. Симон задержал дыхание и заковылял вдоль жердей, на которых на высоте человеческого роста сушились лоскуты кожи. С балконных ограждений также свешивались шкуры, источая едкую вонь. Несколько подмастерьев с любопытством разглядывали Симона и окровавленный сверток. Для них все выглядело так, будто он нес к палачу забитого козленка.

Оставив, наконец, переулок позади, лекарь стал подниматься левее к утиному пруду. Там под тенью двух дубов стоял дом палача. Он представлял собой внушительное подворье с хлевом, большим садом и сараем для повозки. Симон не без зависти огляделся вокруг. Профессия палача считалась позорной, однако и в этом деле можно было кое-чего добиться.

Симон открыл свежевыкрашенную калитку и прошел в сад. Сейчас, в апреле, как раз зацвели первые цветы и всходили пахучие травы. Полынь, мята, Melissa, рута, тимьян, шалфей... Палач славился в Шонгау своим богатым на травы садом.

– Дядя Симон, дядя Симон!

Оба близнеца, Георг и Барбара, слезли с дуба и с громкими криками побежали к Симону. Они хорошо знали лекаря, и знали также, что он никогда не скупился на игры и шутки.

Дверь в дом распахнулась, и на пороге появилась встревоженная шумом Анна Мария Куизль. Фронвизер встал перед ней с вымученной улыбкой, а дети скакали вокруг и пытались дотянуться до свертка у него на плечах. Даже в свои почти сорок жена палача оставалась привлекательной особой. Угольно-черные волосы и густые брови делали ее похожей на супруга, словно сестру – на брата. Симон часто спрашивал себя, не приходились ли они друг другу родственниками несколько поколений назад. Палачи были не в особом почете, и могли жениться на простых девушках лишь в исключительных случаях, поэтому семьи их зачастую рождались между собой. За столетия складывались целые династии палачей, и Куизли были самой большой в Баварии.

Анна Мария с улыбкой пошла навстречу Симону, но когда увидела сверток у него на спине, его предупреждающий взгляд и движение руки, она окликнула детей.

– Георг, Барбара! Идите поиграйте за домом. Нам с дядей Симоном надо поговорить.

Дети с ворчанием удалились, и Симон смог наконец пройти в комнату и уложить тело на лавку. Тряпица, которую оно было замотано, съехала в сторону. Когда Анна Мария увидела мальчика, она тихонько вскрикнула.

– Господи, да ведь это сын Гриммера! Что же, во имя всех святых, случилось?

Симон рассказал ей, усевшись на стул рядом с лавкой. Анна Мария тем временем налила ему разбавленного вина из глиняного кувшина, и он стал жадно пить.

– И теперь ты пришел к моему мужу, потому что он может сказать тебе, что на самом деле произошло? – спросила Анна Мария, когда лекарь допил. Она то и дело поглядывала на тело мальчика и качала головой.

Симон вытер губы.

– Именно так. А где он?

Анна Мария пожала плечами.

– Сама не знаю. Он собирался в город к кузнецу, раздобыть гвоздей. Ты же знаешь, мы хотим новый шкаф. Старый уже забит под завязку.

Женщина снова перевела взгляд к окровавленному трупу на лавке. Будучи женой палача, она успела повидать убитых более чем достаточно. Но при виде мертвого ребенка сердце все равно обливалось кровью. Она покачала головой.

– Бедный малыш...

Немного погодя Анна Мария снова овладела собой. Жизнь продолжалась; снаружи громко верещали близнецы, маленькая Барбара хныкала тонким голоском.

– Лучше будет, если подождешь его здесь, – сказала она, поднимаясь. – Можешь пока почитать что-нибудь.

Анна Мария улыбнулась. Она знала, что зачастую Симон приходил лишь затем, чтобы полистать растрепанные фолианты ее мужа. Иногда лекарь придумывал самые дурацкие предлоги, лишь бы спуститься к дому палача и порыться в книгах.

Женщина бросила последний жалостливый взгляд на мертвого мальчика. Затем достала из шкафа шерстяное одеяло и бережно укрыла тело, чтобы его не увидели близнецы, если неожиданно зайдут в дом. Наконец она направилась к двери.

– Мне нужно присмотреть за детьми. Наливай еще вина, если хочешь.

Дверь закрылась, и Симон остался один в комнате. Она была просторная и занимала почти весь первый этаж. В углу находилась печь, которую топили снаружи. Рядом стоял кухонный стол, а над ним на стене висел меч палача. Крутая лестница вела в верхние покои, где спали муж с женой и трое детей. Сбоку от печи была маленькая узкая дверца, ведущая в соседнюю комнатку. Симон пригнулся и вошел в святая святых дома.

Слева стояли два сундука, где Якоб Куизль держал все необходимое для казней и пыток: канаты, цепи, перчатки, а также тиски для пальцев и клещи. Остальная часть грозного арсенала находилась в ведении города, и ее держали в тюрьме, глубоко в подземелье. Возле сундуков была прислонена лесенка для виселицы.

Но Симона интересовало совсем другое. Почти всю дальнюю стену занимал огромный шкаф, доходивший до потолка. Лекарь отворил одну из множества дверей и посмотрел на хаос из пузырьков, горшков, мешочков и колб. На внутренней стенке сушились травы, источая запах лета. Симон различил розмарин, козлятник и волчник. За второй дверью открылось множество выдвижных ящичков, подписанных алхимическими знаками и символами. Симону нужна была третья дверца. За ней скрывалось нагромождение пыльных фолиантов, хрупких пергаментов и книг, рукописных и печатных. Библиотека палача, собранная несколькими поколениями. Древние знания, настолько отличные от тех, что Симону давали во время бестолковых лекций в Ингольштадтском университете.

Симон вытащил самый толстый том, который читал чаще всех, и провел рукой по заглавию. «Анатомические исследования движения крови и сердца», – прочел он вслух. Книга многих возмущала своей идеей о том, что вся кровь в человеке, это часть бесконечного круговорота, движимого сердцем. Предположение, над которым профессора в Ингольштадте лишь посмеивались и которое отец Симона считал абсурдным.

Симон порылся еще. «Книга врачевания» гласило название рукописной книжицы в плохом переплете. В ней были перечислены всевозможные способы лечения болезней. Симон открыл ее, и взгляд упал на страницу, где советовали лечить чуму высушенными лягушками. Рядом на полке лежала книга, которую палач приобрел совсем недавно. «Описания хирургических инструментов» ульмского врача Иоганн Шульцета была настолько новой, что вряд ли имелась даже в университете Ингольштадта. Симон с благоговением провел пальцами по обложке этого шедевра о хирургии.

– Жаль, что тебя интересуют одни только книги.

Фронвизер поднял глаза. Магдалена прислонилась к дверному косяку и весело смотрела на него. Юный лекарь невольно сглотнул. Магдалена знала, какое она в свои двадцать лет имела воздействие на мужчин. Каждый раз, когда Симон видел ее, во рту у него пересыхало, все прочие мысли куда-то улетучивались. В последнее время стало еще хуже – он думал о ней непрерывно. Иногда перед сном Симон представлял ее пышные губы, ямочки на щеках и смеющиеся глаза. Будь лекарь хоть чуточку суеверным, то непременно заподозрил бы, что дочь палача его околдовала.

– Я... жду твоего отца... – пролепетал он, не отводя от нее взгляда.

Магдалена с улыбкой подошла к нему. В спешке она, должно быть, не заметила мертвого мальчика на лавке. Симон не собирался рассказывать ей об убийстве. То небольшое время, что они проводили вместе, было слишком ценным, чтобы заполнять его смертью и страданием.

Он пожал плечами и вернул книгу на полку.

– Просто у твоего отца лучшая медицинская библиотека в округе. И дурак я буду, если не воспользуюсь этим, – пробормотал он. Взгляд его скользнул по белому корсажу, под которым усматривались привлекательные груди. Симон спешно отвел глаза.

– Твой отец смотрит на это иначе, – сказала Магдалена и медленно приблизилась.

Симон знал, что его отец считал книги палача дьявольским порождением. Насчет Магдалены он его тоже предупреждал. Жена сатаны, говорил он. *Тому, кто свяжется с дочерью палача, никогда не добиться успеха в медицине.*

Симон также понимал, что о браке с Магдаленой не могло идти и речи. Она была «бесчестна», как и ее отец. Но несмотря на это, Симон не мог отделаться от мыслей о ней. Всего несколько недель назад на Паульсмаркт он немного потанцевал с ней. Событие, о котором

потом судачили по всему городу. Отец пригрозил ему розгами, если его снова застукают с Магдаленой. Дочь палача выдают за сына палача, так гласил неписанный закон. Симон знал и об этом.

Магдалена стояла теперь перед ним и ладонью гладила его по щеке. Она улыбалась, но в глазах стояла невысказанная печаль.

– Пойдешь завтра со мной на луга? – спросила она. – Отцу нужны омела и морозник...

Симону послышалась в ее голосе мольба.

– Магдалена, я...

За его спиной раздался шум.

– Лучше сходишь сама. Нам с Симоном надо кучу всего обсудить. Теперь ступай.

Симон оглянулся. Палач появился в тесной комнатке, не издав ни единого шороха. Магдалена одарила молодого лекаря прощальным взглядом и поспешила в сад.

Якоб Куизль посмотрел на Симона строгим и пронизывающим взглядом. Некоторое время казалось, что он собирается вышвырнуть за дверь. Потом вынул изо рта трубку и улыбнулся.

– Рад, что тебе нравится моя дочь, – сказал он. – Смотри только, чтобы отец не прознал.

Симон кивнул. Он нередко ругался с отцом из-за того, что часто навещал Куизлей. Бонифаций Фронвизер считал палача шарлатаном. Тем не менее он не мог воспрепятствовать тому, что не только сын, но и половина Шонгау с любой пустяковой или серьезной болячкой мчалась к палачу. Лишь известную часть своего состояния Куизль заработал казнями и пытками. Основную долю дохода Якоб получал врачеванием. Он продавал отвары от подагры и поноса, табак от зубной боли, накладывал шины на сломанные ноги и вправлял вывихнутые плечи. О его знаниях ходили легенды, хотя он никогда не обучался в университетах. Симон понимал, что отец просто *обязан* был ненавидеть палача. Тот, в конце концов, был его неодолимым конкурентом. И, в общем-то, более умелым врачом.

Якоб Куизль между тем направился в общую комнату. Симон последовал за ним. Комната мгновенно наполнилась густыми клубами дыма. Палачу присущ был всего один порок, но ему он предавался самозабвенно.

С трубкой во рту он прошагал прямо к лавке, поднял мертвого мальчика на стол и, откинув одеяло с тряпками, посвистел сквозь зубы и спросил:

– Где ты его нашел?

Одновременно он наполнил миску водой и начал протирать лицо и грудь убитого. Мельком взглянул на ногти мальчика. Под ними скопилась красная грязь, словно маленький Петер где-то руками рыл землю.

– Возле пристаней, – ответил Симон. Он рассказал, как все произошло, до той минуты, когда все ринулись в город, чтобы призвать знахарку к ответу. Палач кивнул.

– Марта жива, – сказал он и продолжил протирать лицо мальчика. – Я отвел ее в тюрьму. Для ее же блага. А дальше посмотрим.

Симона, как это часто бывало, поразило спокойствие палача. Как и все Куизли, он говорил немного. Но все, что произносил, имело вес.

Палач закончил протирать, и они вместе осмотрели истерзанное тело мальчика. Нос был сломан, все лицо в синяках. На груди они насчитали семь укулов.

Якоб Куизль достал нож из-под плаща и для пробы погрузил клинок в одну из ран. Слева и справа оставалось пространство шириной в палец.

– Нет, здесь было что-то побольше, – пробормотал палач.

– Меч? – спросил Симон.

Куизль пожал плечами.

– Скорее, сабля или алебарда.

– И кто отважился на такое? – покачал головой Симон.

Палач перевернул тело. На плече стоял знак, немного стертый при переноске, но до сих пор хорошо заметный: фиолетовый круг с крестом в нижней части.



– Что это? – спросил Симон.

Якоб Куизль низко склонился над телом мальчика, потом поцеловал палец и, легонько потеряв знак, взял палец в рот. Почавкал, словно пытался распробовать.

– Сок бузины, – сказал он. – И неплохой. – Поднес палец к Симону.

– Как? Я думал, это...

– Кровь? – Палач дернул плечом. – Кровь давно стерлась бы. Только сок бузины так долго держит цвет. Можешь спросить у моей жены. Ругается на чем свет стоит, когда малыши в нем пачкаются. Хотя...

Он принялся тереть знак.

– Что?

– Краска частично под кожей. Кто-то вколол ее туда иглой или кинжалом.

Симон кивнул. Он видел подобное у солдат из Кастилии или Франции. Они набивали у себя на плечах кресты или изображения Богородицы.

– Но что означает это символ?

– Хороший вопрос, – Куизль глубоко затянулся, выдохнул дым и надолго замолчал. Он заговорил лишь через некоторое время. – Это символ Венеры.

– Что-что? – Симон внимательнее посмотрел на знак. Его внезапно осенило, где он видел его прежде. В книге по астрологии.

– Символ Венеры, – палач прошел в комнатушку и вернулся с запачканным фолиантом в кожаном переплете. Полистал его немного в поисках нужной страницы. – Вот, – показал он Симону.

На странице был нарисован тот же символ, а рядом с ним еще один – круг со стрелой, направленной вверх и вправо.

– Венера. Богиня любви, весны и роста, – вслух зачитал Куизль. – Противоположность Марсу, богу войны.

– Но в чем его смысл на теле мальчика? – спросил Симон в растерянности.

– Это старинный знак, даже древний, – ответил Куизль и снова затянулся от длинной трубки.

– И что он еще значит?

– У него множество значений. Он символизирует женское начало в противоположность мужскому. Это символ жизни, а также продолжения жизни после смерти.

Симон почувствовал, как стало трудно дышать. И вызвано это было вовсе не клубами дыма, окутавшими его.

– Но... ведь это же ересь, – прошептал он.

Палач поднял густые брови и посмотрел Симону в глаза.

– В этом-то и проблема, – сказал он. – Символом Венеры пользуются ведьмы.

И выпустил дым лекарю в лицо.

Шонгау купался в лунном свете. Время от времени наползали облака, и тогда река и город погружались в темноту. У Леха стоял человек и, погружившись в раздумья, смотрел на бурный поток. Мужчина высоко поднял воротник подбитого мехом плаща и повернулся к городским огням. Ворота давно были заперты, но для таких, как он, всегда найдется лазейка. Требовалось лишь знать нужных людей и располагать небольшой суммой денег. Ни то, ни другое не составляло для этого человека большой трудности.

И тем не менее человек дрожал. Виной тому был не только холод, которым в апреле еще веяло с гор. Мурашки бежали по телу от страха. Мужчина осторожно оглядывался по сторонам, но не видел ничего, кроме черной ленты реки и нескольких кустов на берегу.

Он слишком поздно уловил шорох позади себя. Следующее, что он почувствовал, было острие сабли, ткнувшей спину сквозь меховой плащ, камзол и бархатную тунику.

– Ты один?

Голос прозвучал над самым ухом. Запахло спиртом и тухлым мясом.

Мужчина кивнул, но человеку за спиной этого показалось недостаточно.

– Ты один, чтоб тебя?

– Ну а как же!

Спину перестало колоть, острие отодвинулось.

– Повернись! – прошептал человек.

Мужчина развернулся как по приказу и боязливо кивнул собеседнику. Закутанный в черный шерстяной плащ и в надвинутой на лицо шляпе с пером, тот выглядел так, словно явился прямиком из преисподней.

– Зачем звал? – спросил он и убрал саблю в ножны.

Человек перед ним сглотнул. Затем к нему вернулась его обычная самоуверенность. Он выпрямился и гневно вскинулся на пришедшего.

– Зачем звал?.. Мне говорили, ты и так знаешь!

Тот пожал плечами.

– Мальчик мертв. Что тебе еще надо?

Человека из города ответ не устроил. Он яростно дернул головой и взмахнул тонким указательным пальцем.

– А другие? – прошипел он. – Их было пятеро! Три мальчика и две девочки. Что с остальными?

Чужак отмахнулся рукой.

– До них мы еще доберемся, – ответил он и пошел прочь.

Мужчина бросился за ним.

– Проклятье! Так мы не договаривались!

Он крепко схватил уходившего за плечо. О чем в следующий миг крепко пожалел... Жесткая ладонь, словно тисками, сдавила ему горло. Схвативший его внезапно обнажил белые зубы в улыбке, больше походившей на волчий оскал.

– Ты боишься? – спросил он тихо.

Мужчина сглотнул и почувствовал, как трудно стало дышать. Когда начало темнеть в глазах, чужак выпустил его и отпихнул в сторону, словно надоедливую зверушку.

– Ты боишься, – повторил он. – Вы, торгоши, все одинаковые.

Мужчина закашлялся и отступил на несколько шагов. Он поправил одежду и почувствовал, как постепенно вернулась способность говорить.

– Просто доведите дело до конца, – прошептал он. – Дети не должны заговорить.

Его собеседник снова блеснул зубами.

– Но тебе придется доплатить.

Человек из Шонгау пожал плечами.

– На это мне наплевать. Лишь бы все осталось позади.

Второй, казалось, на мгновение задумался. Наконец он кивнул.

– Нужны имена, – сказал он тихо. – Ты знаешь их, потому назови имена.

Мужчину пробрала дрожь. Он видел детей лишь мельком, но был уверен, что знает их.

Он почувствовал, словно переступал через некий порог. Еще не поздно было все вернуть...

Имена слетели с языка, прежде чем он успел что-либо сообразить.

Человек кивнул. Затем резко развернулся и через несколько секунд слился с темнотой.

3

Среда, 25 апреля 1659 года от Рождества Христова, 7 утра.

Якоб Куизль плотно закутался в плащ и шел по Монетной улице, стараясь не наступать в помои и кучи нечистот возле дверей. Ранним утром по улицам еще стелился туман, воздух был влажным и холодным. Прямо над ним кто-то распахнул окно и выплеснул на улицу ночной горшок. Куизль с проклятием отскочил в сторону, и на мостовую прямо возле него обрушился водопад мочи.

Будучи палачом, Куизль был ответственным и за уборку нечистот и исполнял эту обязанность каждую неделю. Совсем скоро он вновь будет бродить по улицам с тележкой и лопатой. Но сегодня на это не было времени. Как только отзвонили шесть часов, к нему явился городской слуга и сказал, что его срочно хотел видеть Иоганн Лехнер. Куизль догадывался, для чего понадобился судебному секретарю. Убийство мальчика вчера обсуждали по всему городу. Слухи о колдовстве или дьявольском промысле расплзались по городкам вроде Шонгау быстрее запаха нечистот. Лехнер был человеком, который не затягивал даже с самыми сложными решениями. Кроме того, на сегодня намечался сбор совета, и господам хотелось знать точно, что же крылось за этими слухами.

В голове у палача гудело. Вчера вечером к нему заходил Йозеф Гриммер, чтобы забрать тело мальчика. Тот Йозеф не имел ничего общего с прежним, который несколько часов назад чуть не зашиб знахарку. Он ревел как дитя и успокоился лишь после травяной настойки, которую Куизль готовил всегда сам. Палач и сам пропустил стаканчик-другой...

Якоб Куизль свернул в переулок и направился к резиденции герцога. Несмотря на головную боль, он усмехнулся, потому что под словом «резиденция» крылось совсем не то, что ожидалось. Строение перед ним напоминало скорее неуклюжую обветшалую крепость. Даже старожилы Шонгау не могли припомнить, когда здесь в последний раз бывал герцог. Даже княжеский управляющий, который как представитель курфюрста улаживал в городе интересы Его высочества, появлялся здесь крайне редко и останавливался в своем имении близ Тиргауптена. В обычное время ветхое сооружение служило казармой для двух десятков солдат и канцелярией судебного секретаря. А последний в отсутствие управляющего ведал всеми делами в Шонгау от имени курфюрста Фердинанда Марии.

Иоганн Лехнер был человеком могущественным. Ответственный, в общем-то, лишь за соблюдение интересов Его высочества, за годы службы он добился такого положения, какое позволяло ему влиять и на исход городских дел. Мимо Лехнера не проходило ни одного документа, ни одного распоряжения и ни одной самой ничтожной бумажки. Куизль не сомневался, что секретарь и теперь несколько часов раздумывал над городскими указами.

Палач прошел под каменной аркой, на которой косо висели створки ворот, и шагнул во двор. Часовые устало кивнули ему и пропустили. Куизль оглядел тесный и грязный двор. Со времен последнего нашествия шведов десять лет назад резиденция пришла в еще больший упадок. Правая башня высилась покрытыми сажей руинами, крыши над конюшнями и гумном прорылись и обросли мхом. Между покосившимися перегородками виднелись разбитые повозки и прочий хлам.

Якоб поднялся по истертым ступеням, прошел по темному коридору и остановился перед низкой дверью. Он только собрался постучать, как изнутри донесся голос.

– Заходи.

Секретарь, казалось, обладал крысиным слухом.

Палач отворил дверь и вошел в тесную комнату. За письменным столом сидел Иоганн Лехнер, едва различимый среди книг и пергаментов. В правой руке он держал перо и что-то

царапал в черновике, левой указал Куизлю на стул. Хотя в окно пробивались первые лучи солнца, в комнате царил полумрак, единственная сальная свеча давала тусклый свет. Палач опустился на табурет и стал ждать, пока секретарь отвлечется от своих документов.

– Знаешь, зачем я тебя вызвал?

Лехнер устремил на палача пронизывающий взгляд. Судебный секретарь унаследовал черную бороду от отца, который сам служил секретарем в Шонгау. Такой же бледный, те же черные, внимательные глаза. Семья Лехнеров имела большое влияние в городе, и секретарь с удовольствием давал почувствовать это собеседнику.

Куизль кивнул и принялся набивать трубку.

– Оставь, – поморщился секретарь. – Ты же знаешь, я не терплю дыма.

Палач убрал трубку обратно и вызывающе посмотрел на Лехнера. И заговорил лишь спустя некоторое время.

– По поводу Штехлин, полагаю.

Иоганн Лехнер кивнул.

– Народ негодует. Уже сейчас, а случилось все только вчера. И люди говорят...

– А я что сделаю?

Лехнер перегнулся через стол и попытался улыбнуться. Вышло лишь наполовину.

– Ты ее знаешь. Вы ладите с ней. Она принимал роды у твоей жены. Я хочу, чтобы ты поговорил с ней.

– И о чем же мы должны поговорить?

– Уговори ее, чтобы она призналась.

– Чтобы она... что?

Лехнер еще больше перегнулся через стол. Их лица были теперь совсем близко.

– Да, ты все верно понял. Чтобы она призналась.

– Но еще ничего не доказано. Пока только бабы болтают. Мальчик пару раз заходил к ней, вот и все.

– Нужно поскорее с этим покончить, – Лехнер снова откинулся на стуле и принялся барабанить пальцами по подлокотнику. – Слухов уже слишком много. Пустим это на самотек – наступят времена твоего деда. Тогда придется тебе потрудиться.

Палач кивнул. Он понял, на что намекал Лехнер. Всего семьдесят лет прошло с тех пор, как во время известного процесса над ведьмами в Шонгау десятки женщин отправили на костер. Все началось с непогоды и нескольких непонятных смертей, а переросло в целое сумасшествие, и каждый обвинял каждого. Дед Куизля, Йорг Абриль, обезглавил тогда более шестидесяти женщин, и после тела их сожгли. Мастер Йорг разбогател на этом и приобрел известность. У некоторых подозреваемых находили так называемые колдовские отметины – родимые пятна, по форме которых определяли судьбу бедных женщин. В этот же раз речь шла о еретическом символе, и даже Куизль не мог отрицать его принадлежность к колдовству. Секретарь был прав. Люди и дальше будут искать знаки. И даже если убийства не продолжатся, подозрения все равно не прекратятся. Пламя, способное перерасти в пожар и поглотить Шонгау. Необходимо было, чтобы кто-то признался и принял всю вину на себя.

Марта Штехлин...

Якоб Куизль пожал плечами.

– Я не верю, что Штехлин как-то связана с убийством. Это мог быть кто угодно, хоть проезжий. Мальчик ошивался у реки. Черт знает, где его закололи. Может, это мародерствующие солдаты.

– А знак? Отец мальчика описал мне его. Так он выглядит? – Лехнер протянул ему рисунок, круг с перевернутым крестом. – Ты знаешь, что это, – прошептал он. – Колдовство.

Палач кивнул.

– Но это еще вовсе не значит, что Штехлин...

– Знахарки хорошо разбираются в таких вещах! – Лехнер повысил голос, что было ему не свойственно. – Я всегда предупреждал, что не стоит принимать таких женщин в город. Они – носительницы тайных знаний и губят наших жен и детей! В последнее время дети постоянно околачивались у нее! Петер в том числе. И вот его находят мертвым в реке!

Куизль стосковался по трубке. Он бы с удовольствием сейчас вместе с дымом развеял по комнате все дурные мысли. Якоб хорошо знал предрассудки совета насчет знахарок. Марта была первой из тех, кого официально впустили в город. Мужчины издавна относились с подозрением к женщинам, имевшим доступ к запретным знаниям. Они ведали отвары и травы, прикасались к их женам в самых непотребных местах, и знали, как удалить из чрева плод, дар Господа. Множество знахарок отравились на костер, обвиненные в колдовстве.

Якоб Куизль тоже разбирался в отварах, его тоже считали колдуном. Но он все-таки был мужчиной. И палачом.

– Я хочу, чтобы ты отправился к Штехлин и уговорил ее признаться, – сказал Лехнер.

Он вернулся к своим записям и снова принялся писать, опустив глаза к документам. Разговор был окончен.

– А если она не признается? – спросил Якоб.

– Тогда покажешь ей орудия пыток. Посмотрит на тиски и сразу станет сговорчивей.

– Для этого потребует решение совета, – прошептал палач. – Ни я, ни вы не можем начать допрос по собственной прихоти.

Лехнер улыбнулся.

– Насколько ты знаешь, сегодня сбор совета. Не сомневаюсь, что бургомистр и прочие господа одобряют мое предложение.

Куизль задумался. Если совет сегодня в самом деле согласится начать допрос, то дело пойдет, как хорошо налаженный часовой механизм. А это означало пытки и, возможно, казнь на костре. Ответственным за все был он, Якоб Куизль.

– Скажи ей, что завтра мы начнем допрос, – проговорил Лехнер, не отрываясь от бумаг. – Тогда у нее будет еще время поразмыслить. Если она все-таки заупрямится, что ж... тогда нам потребуются твои услуги.

Перо все царапало что-то на бумаге. Часы на рыночной площади пробили восемь часов. Иоганн Лехнер поднял взгляд.

– У меня все. Можешь идти.

Палач встал и направился к двери. Когда он нажал на ручку, за спиной снова раздался голос секретаря.

– Да, Куизль.

Он обернулся. Секретарь говорил, не поднимая головы.

– Я знаю, что вы хорошо ладите. Разговори ее. Это избавит вас обоих от ненужных страданий.

Куизль покачал головой.

– Это не она, поверьте мне.

На этот раз Лехнер оторвался от документов и посмотрел палачу прямо в глаза.

– Я тоже не верю, что она виновна. Но так лучше всего для города. Уж в этом поверь мне ты.

Палач ничего не ответил. Он пригнулся и вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Когда шаги Куизля стихли на улице, секретарь вернулся к документам. Он пытался сосредоточиться на пергаментях, но ему это плохо удавалось. Перед ним лежала официальная жалоба города Аугсбурга. Паромщик из Шонгау, Фома Пфанцельт, перевозил большую партию шерсти, принадлежавшую аугсбургским купцам, вместе с тяжелым точильным камнем. Из-за большого веса груз опрокинулся в реку. Теперь аугсбургцы требовали возмеще-

ния ущерба. Лехнер вздохнул. Вечные ссоры аугсбургцев и шонгауцев выводили его из себя. Как раз сегодня он не мог заниматься подобными пустяками. Его город пылал! Взору Лехнера живо представлялось, как страх и ненависть пожирали Шонгау от окраин к центру. Уже вчерашним вечером в трактирах, «Звезде» и «Зонненброй», слышались тихие разговоры. Речь шла о поклонении Сатане, оргиях ведьм и ритуальных убийствах. После всех эпидемий, войны и непогоды настроения в городе были накалены до предела. Город сидел на пороховой бочке, и Марта Штехлин могла стать горящим фитилем. Лехнер нервно повертел перо между пальцами. *Фитиль следует обрубить, пока не случилось непоправимого...*

Секретарь знал Куизля как человека умного и здравомыслящего. Речь вовсе не шла о том, виновна Штехлин или нет, – благополучие города прежде всего. Коротенькое разбирательство, и снова наступит мир. Мир, которого все ждали с таким нетерпением.

Иоганн Лехнер собрал пергаментные свитки, разложил их по полкам и отправился в зал собраний. Через полчаса начиналось важное заседание, и до него следовало кое-что уладить. Он еще раз отправил городских глашатаев напомнить членами совета о собрании. Приглашался большой и малый совет, а также шесть обычных горожан. Лехнеру хотелось скорее покончить с этим делом.

Секретарь пересек оживленную рыночную площадь и прошел в амбар. В обширном высотой в девять шагов помещении дожидались переправки в дальние города и страны ящики и мешки. В одном из углов грудились блоки песчаника и известкового туфа, пахло корицей и кориандром. Лехнер поднялся по широкой деревянной лестнице на этаж выше. Собственно говоря, ему, представителю курфюрста, в городском зале совета нечего было и делать. Но после войны аристократы привыкли, что спокойствие и порядок в городе поддерживались сильной рукой. И они предоставили это право секретарю. А он практически единолично руководил заседаниями совета. Иоганн Лехнер был человеком власти, и власть эту не собирался отдавать просто так.

Дверь в зал была открыта, и секретарь с удивлением заметил, что пришел не первым, как это обычно случалось. Прежде него явились бургомистр Карл Земер и член совета Якоб Шреефогль. Они о чем-то оживленно беседовали.

– А я вам говорю, проложат аугсбургцы новую дорогу, и останемся мы здесь ни с чем, – убеждал Земер своего собеседника, который беспрестанно качал головой.

Молодой Шреефогль всего полгода назад занял место в совете после смерти отца. Высокий аристократ и раньше довольно часто вступал в споры с Земером. В отличие от отца, который крепко дружил с бургомистром и другими пожилыми советниками, у Якоба на все было собственное мнение. Он и сейчас не дал Карлу Земеру смутить себя.

– Им этого не позволят. Они уже как-то раз пытались, и князь дал им щелчка по носу. Но Земера было не переубедить.

– Это было до войны! Сейчас у курфюрста другие заботы. Поверьте старому вояке, аугсбургцы проложат свою дорогу. А если перед воротами у нас будут эти проклятые прокаженные, не говоря уже про эту ужасную историю с убийством... Да от нас торговцы будут бежать, как от заразы!

Иоганн Лехнер кашлянул и направился к дубовому столу в форме подковы, который занимал все пространство. Бургомистр Земер поспешил к нему.

– Как хорошо, что вы пришли, Лехнер! Я снова отговаривал младшего Шреефогля от этого приюта для прокаженных. Вот прямо только что! Купцы из Аугсбурга и так нам роют ямы на каждом шагу, а уж когда начнут говорить, что перед воротами у нас...

Секретарь пожал плечами.

– Приютом для больных пусть занимается церковь. Поговорите с господином священником, хотя сомневаюсь, что чего-то добьетесь. А теперь прошу меня извинить.

Секретарь обошел тучного бургомистра и скрылся в соседней комнатке. Здесь у стены высился до самого потолка открытый шкаф с полками и выдвижными ящиками, набитыми пергаменами. Лехнер встал на табурет и выбрал необходимые на сегодня документы. При этом взгляд его упал на бумаги, касающиеся больницы. Еще в прошлом году церковь решила построить перед городом у дороги на Хоэнфурх приют для больных проказой. Прежний разрушили десятки лет назад, однако болезнь не спешила отступить.

При мысли о коварной заразе Лехнер содрогнулся. Наравне с чумой лепра считалась ужаснейшей заразой. Кто ее подхватывал, сгнивал заживо. Нос, уши и пальцы отваливались, как гнилые овощи. На последней стадии лицо превращалось в один большой нарыв и теряло всякое сходство с человеческим. Так как болезнь легко приставала, то бедолаг либо выгоняли из города, либо заставляли носить бубенчик или колотушку, чтобы их можно было распознать издалека и обойти. Из милосердия, а также чтобы избежать дальнейшего заражения, многие города строили так называемые лепрозории, гетто за городскими стенами, где чахли больные. Такой же приют хотели в Шонгау. Строительство на дороге в Хоэнфурх уже полгода шло полным ходом, однако в совете до сих пор оспаривали это решение. Когда Иоганн Лехнер снова вышел в зал, там собрались почти все члены совета. Они разбились на маленькие группы, шептались и яростно спорили. Каждый слышал свою историю о смерти мальчика. И когда секретарь позвонил в колокольчик, по местам все расселись далеко не сразу. По старому обычаю первый бургомистр и секретарь сидели в центре. По правую руку находились места для малого совета, шестерых мужей из благороднейших родов Шонгау. Сюда же входили четыре бургомистра, которые сменяли друг друга каждые три месяца. Пост бургомистра столетиями делили между собой старейшие семьи. Конечно, официально в выборах могли участвовать и другие члены совета, но по извечному закону представители самых влиятельных династий занимали и пост бургомистра.

Слева сидели шестеро членов большого совета, который опять же составляли самые могущественные аристократы. И, наконец, у стены были расставлены стулья для представителей общин.

Секретарь огляделся вокруг. Здесь собралась вся высшая власть города. Перевозчики, торговцы, пивовары, кондитеры, меховщики, мельники, кожевники, гончары и портные... все эти Земеры, Шреефогли, Августины и Хердденбергеры, которые веками вершили судьбу города. Важные, в черной одежде с белыми брыжами¹, люди эти словно вернулись из прежних времен: лица украшали бороды и усы, щеки отвисли, а толстые животы выпирали из-под увешанных золотом жилетов. Война разорила всю Германию, но таких вот людей обошла стороной. Лехнер невольно усмехнулся. *Эти всегда выйдут сухими из воды.*

Все были чрезвычайно взволнованы. Они понимали, что смерть мальчика способна навредить их собственным делам. На кону стояло спокойствие их тихого городка. Громкий шепот показался секретарю раздраженным гулом пчелиного роя.

– Прошу тишины! Тихо!

Лехнер еще раз позвонил в колокольчик, потом хлопнул по столу ладонью. Наконец-то воцарилась тишина. Секретарь взялся за перо, чтобы письменно зафиксировать начало собрания. Бургомистр Карл Земер беспокойно оглядел присутствующих и, наконец, обратился к совету.

– Все вы слышали об ужасном несчастье, что случилось вчера. Страшное преступление требует скорейшего разбирательства. Мы посоветовались с секретарем и решили, что этот вопрос нужно обсудить в первую очередь. Остальное может и подождать. Надеюсь, это в ваших же интересах.

¹ Брыжи – воротник, манжеты или некоторые другие детали мужской и женской одежды в густую сборку или в частую складку, обычно служившие украшением.

Советники важно покивали. Чем быстрее все будет улажено, тем скорее они смогут вернуться к собственным делам.

Бургомистр продолжил.

– К счастью, все складывается таким образом, что мы, скорее всего, нашли убийцу. Знахарка Штехлин уже арестована. Скоро ее навестит палач, и она заговорит.

– Почему заподозрили именно ее?

Весь совет сердито уставился на младшего Шреефогля. Не принято вот так сразу перебивать первого бургомистра. Тем более если ты в совете совсем недавно. Отец Якоба Шреефогля, Фердинанд, был могущественным человеком в совете, немного взбалмошным, но влиятельным. Сын, похоже, унаследовал его спесивый характер. В отличие от других юный аристократ вместо брыжей носил широкий кружевной воротник. И волосы его по новой моде прядями спускались до плеч. Все его поведение было вызовом старым советникам.

– Почему ее заподозрили? Ну, все просто, все просто...

Вопрос застал бургомистра врасплох. Он вытер платком капельки пота с едва обозначившейся лысины. Широкая грудь заходила под увешанным золотом жилетом. Будучи пивоваром и хозяином лучшего в округе трактира, он не привык, чтобы ему возражали. В поисках помощи бургомистр повернулся к секретарю, сидевшему по левую руку. Тот охотно вмешался.

– До ночи убийства она часто виделась с мальчиком. Кроме того, некоторые женщины утверждают, что видели, как она устраивала с Петером и другими детьми шабаш у себя в доме.

– Кто утверждает?

Молодой Шреефогль не сдавался. На самом деле с ходу Лехнер не мог назвать ни одной женщины. Но сторожа доложили ему, что по трактирам расползаются подобные слухи. И он знал, кого имели в виду. Найти свидетелей будет несложно.

– Дождитесь процесса. Я не хочу раскрывать имена прежде времени.

– Может, Штехлин найдет смерть на этих свидетелей прямо из тюрьмы, – вмешался еще один советник. Пекарь Михаэль Бертольд был членом большого совета. Лехнер считал его как раз тем человеком, кто способен был породить такие слухи. Остальные советники покивали, они уже слышали о подобных случаях.

– Что за бред! Всего лишь выдумки. Штехлин просто знахарка, не более! – Шреефогль вскочил. – Вспомните, что было семьдесят лет назад. Половина города обвиняла другую половину в колдовстве. Много крови пролилось. Хотите, чтобы такое повторилось?

Несколько простых общинных представителей начали перешептываться. Тогда обвиняли в основном менее зажиточных горожан, простых крестьян, служанок и рабочих... Хотя были среди них и хозяйки трактиров, и жены судей. Под пытками подозреваемые признавались, что насылали град, оскверняли причастие и даже убивали собственных внуков. Страх до сих пор сидел в душах людей. Лехнеру вспомнилось, как отец прежде часто рассказывал ему об этом. Позор Шогнау, который навсегда сохранится в книгах по истории...

– Сомневаюсь, чтобы *ты* мог об этом помнить. А теперь сядь, юнец, – прозвучал тихий, но жесткий голос. Он давал понять, что владелец его с давних пор привык отдавать приказы и не позволит какому-то молокососу над собой издеваться.

В возрасте восьмидесяти одного года Маттиас Августин был самым старым членом совета. Десятки лет он управлял извозчиками Шонгау. Он уже почти ослеп, однако его слова еще кое-что значили в городе. Наряду с Земерами, Пюхнерами, Хольцхоферами и Шреефоглями он входил в самую элиту власти.

Взгляд старика был устремлен в одну точку. Казалось, он заглядывал в само прошлое.

– Вот я могу вспомнить, – пробормотал он, и зал погрузился в мертвую тишину. – Я был тогда мальчишкой. Но знал, из-за чего горели костры, и до сих пор помню запах горе-

лого мяса. Десятки людей сожгли во время того ужасного разбирательства. В том числе и невинных. Никто никому больше не верил. И, поверьте, я не хочу снова пережить такое. Поэтому Штехлин должна признаться.

Шреефогль снова сел. При последних словах Августина он шумно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

– Она должна признаться, – продолжал Августин, – потому что молва – как дым. Он стелется, проникает сквозь щели в дверях и ставни, и конце в концов им воняет весь город. С этим делом нужно покончить по возможности быстрее.

Бургомистр Земер кивнул, и другие члены малого совета что-то согласно пробормотали.

– Он прав, – Йохан Пюхнер, который недавно заново отстроил свою мельницу, разрушенную шведами, откинулся на стуле. – Нужно успокоить народ. Я вчера вечером спускался к пристаням. Там очень беспокойно.

– Верно. Я говорил вчера со своими людьми, – Маттиас Хольцхофер был еще одним из могущественных торговцев, который отправлял товары до Черного моря. Он потерял манжет камзола. – Но там больше подозревают аугсбургских плотогонов. Все же старина Гриммер частенько с ними ругался. Может, они хотели нам навредить. Напугать людей, чтобы никто не связывался больше с Шонгау, – предположил он.

– Тогда Штехлин выкрутилась бы, а весь ваш план – коту под хвост, – вставил Якоб Шреефогль. Он сидел со скрещенными руками.

Со стороны общинных представителей, сидевших у стены, донесся кашель. Редкостью было, чтобы кто-то из них просил слова на собрании. Старый Погнер, который представлял гильдию лавочников, проговорил:

– Гриммер и в самом деле хорошо намял бока нескольким перевозчикам из Аугсбурга. Я сам был в «Звезде», когда это случилось.

Бургомистр Земер, будучи хозяином трактира, почувствовал себя оскорбленным.

– В моем заведении нет места дракам. Они самое большее немного побранились, – отмахнулся он.

– Немного побранились? – Погнер теперь оживился. – Спросите вашу Резль, она все видела. Они носы друг другу переломали. Кровь ручьями по столам текла. Один из Аугсбурга и убежать толком не смог, так его отделал Гриммер. Он им еще проклятиями сыпал вслед. Они, верно, отомстить хотели, точно вам говорю!

– Вздор! – покачал головой полуслепой Августин. – Много чего можно приписать аугсбургцам, но убийство... На такое они не способны. Лучше оставить Штехлин. И сделать все без проволочек. Пока не стало слишком поздно.

– Я отдал распоряжение, завтра мы начнем допрос, – сказал Лехнер. – Палач покажет ей орудия пыток. Через неделю, самое позднее, все будет улажено.

Он посмотрел вверх, на резной потолок, выложенный кедром. Узорчатые свитки свидетельствовали, что здесь вершился закон.

– Разве мы не должны в таких случаях спрашивать совета у управляющего? – спросил Шреефогль. – Все-таки речь идет об убийстве! Никто пока не давал нам права самостоятельно выносить приговор.

Лехнер улыбнулся. Вообще, когда речь шла о жизни и смерти, слушания по делу не проводили без представителя курфюрста. Однако Вольф Дитрих фон Зандицелль пребывал, как это часто случалось, в своем поместье Пихль близ Тиргауптена, далеко от Шонгау. А пока он не появился, единственным его представителем в стенах города был Иоганн Лехнер.

– Я уже отправил гонца и попросил Зандицелля прибыть не позднее чем через неделю, чтобы возглавить процесс, – пояснил он. – Я написал ему, что до этого времени мы най-

дем виновного. А если нет, тогда придется управляющему со всей свитой на какое-то время задержаться... – самодовольно добавил секретарь.

Советники внутренне содрогнулись. Княжеский управитель с сопровождением! С лошадьми, слугами, солдатами... Это сулило огромные расходы. Они уже подсчитывали про себя гильдены и пфенниги, которые проест и пропьет каждый из высоких гостей. День за днем до вынесения приговора. Тем более важно было отыскать виновного к приезду управляющего. Тогда и потратиться можно где-то вполтину меньше.

– Даем вам наше согласие, – сказал бургомистр Земер и смахнул пот с лысеющего лба. – Завтра можете начинать допрос.

– Хорошо, – Лехнер развернул новый документ. – Тогда переходим к следующему вопросу. У нас еще много дел на сегодня.

4

Среда, 25 апреля 1659 года от Рождества Христова, 9 утра.

Якоб Куизль направлялся по узкому переулку к южной городской стене. Дома вокруг были свежоштукатурены, черепица на крышах отливала красным под утренними лучами. В садах цвели первые нарциссы и колокольчики. Район вокруг герцогского дворца, названный дворцовым, считался лучшим в городе. Здесь селились ремесленники, которые смогли кое-чего добиться в жизни. По улице гомонили, разбегаясь в стороны, утки и куры. На скамейке перед мастерской сидел столяр с рубанком, молотком и стамеской и обстругивал стол. При виде палача, шедшего мимо, он втянул голову в плечи. С палачами не здоровались, боялись накликать беду.

Куизль добрался, наконец, до выхода из переулка. В самом конце его, прямо к стене примыкала тюрьма, внушительных размеров трехэтажная башня, построенная из массивных блоков, с плоской крышей и зубцами. Много столетий сооружение это служило темницей и камерой пыток.

Городской стражник прислонился к обитой железом двери и подставил лицо весеннему солнцу. На ремне рядом со связкой ключей болталась дубинка. Большого оружия не требовалась – все же пленница была закована в кандалы. А против возможных проклятий у стражника имелся освященный деревянный крестик и амулет Девы Марии. Оба висели на шее, привязанные кожаным шнурком.

– Доброго утра, Андреас! – воскликнул Куизль. – Как твои дети? Маленькой Анне уже лучше?

– Все хорошо. Благодарю, мастер Якоб. Средство замечательно помогло.

Стражник украдкой огляделся, не заметил ли кто его разговора с палачом. Человека с мечом избегали, хотя и шли напрямиком к нему, если ломали палец или одолевала подагра. Или когда дочь заражалась коклюшем, как в случае стражника Андреаса. Простые люди охотнее обращались к палачу, нежели к цирюльнику или лекарю. Тем более что шансов выздороветь было больше, и брал он дешевле.

– Пропустишь меня? Хочу поговорить с Мартой наедине. Что скажешь? – Куизль набил свою трубку и как бы между делом угостил табаком стражника. Тот быстрым движением высыпал подарок в мешочек на поясе.

– Даже не знаю. Лехнер запретил. Мне нельзя уходить отсюда.

– Скажи-ка, разве не Штехлин принимала на свет твою Анну? И Томаса?

– Да, и...

– Знаешь, она и моих детей принимала. В самом деле веришь, что она ведьма?

– Вообще-то нет. Но другие...

– Другие, другие... Андреас, у тебя своих мозгов нет? А теперь дай пройти. Завтра можешь зайти, сироп от кашля готов. Если меня не будет, просто забирай. Он на столе на кухне.

При этих словах Якоб протянул руку. Стражник отдал ему ключ, и палач вошел внутрь.

Одну половину этажа занимали две камеры. В левой безжизненно лежала на куче соломы Марта Штехлин. Стоял резкий запах мочи и гнилой капусты. В тамбур через маленькое зарешеченное окошко лился солнечный свет. Вниз спускалась лестница – в камеру пыток. Куизль хорошо ее знал. Там находились все инструменты, необходимые палачу для допросов с пристрастием.

Для начала он просто покажет орудия пыток Штехлин. Раскаленные щипцы, тиски для пальцев с винтами, вращая которые, можно было оборот за оборотом усиливать боль.

Расскажет ей, каково это, когда растягивают стокилограммовыми камнями до тех пор, пока не хрустнут кости и их не вырвет из суставов. Зачастую одного вида инструментов хватало, чтобы подозреваемый стал сговорчивее. Насчет Марты палач не был настолько уверенным.

Казалось, знахарка спала. Когда Якоб подошел к решетке, Марта резко подняла голову. Забрэнчалю. К рукам от колец в стене тянулись ржавые цепи. Штехлин попыталась улыбнуться.

– Заковали, как бешеную псину, – указала она на цепи. – Да и кормежка не лучше.

Куизль усмехнулся.

– Уж не хуже, чем если бы ты осталась дома.

Лицо Марты помрачнело.

– Как там мой дом? Небось, разгромили все, что можно?

– Туда я еще загляну. Но сейчас у тебя есть заботы поважней. Они думают, что это ты.

Завтра я приду с секретарем и покажу тебе инструменты.

– Уже завтра?

Куизль кивнул. Затем пристально посмотрел на знахарку.

– Марта, скажи честно, это вправду ты?

– Нет, во имя пресвятой Девы Марии! Никогда я не смогла бы сотворить такое с мальчиком!

– Но он бывал у тебя? И ночью перед убийством?

Знахарка мерзла. На ней была только льняная сорочка, в которой она спасалась от Гриммера и его дружков. Женщина дрожала всем телом. Якоб протянул ей свой длинный потрепанный плащ. Она молча приняла его через решетку и накинула на плечи. Только после этого она начала говорить.

– У меня бывал не только Петер. Несколько других тоже. Им, видимо, доставало матери.

– Кто эти другие?

– Ну, сироты вроде. София, Клара, Антон, Йоханнес... Это все. Навещали меня, иногда несколько раз в неделю. Мы играли в саду, я варила им мучную похлебку. У них никого больше нет.

Куизль припомнил. Он тоже, случалось, видел детей в саду знахарки. Однако никогда не обращал внимания, что все были полными сиротами.

Палач знал, как жилось уличным детям. Зачастую они собирались кучкой в стороне от всех. Он уже несколько раз вмешивался, когда другие дети сообща набрасывались на сирот и избивали их. На них словно написано было, что это жертва, на которую непременно нужно напасть. Якобу вспомнилось собственное детство. Он рос грязным, нечестивым сыном палача, но у него имелись, по крайней мере, родители. Счастье, которого лишились все больше детей. Большая война у многих забрала близких. Таким бедолагам город назначал опекунов. Чаще ими становились горожане из управления, но иногда и ремесленники, которые при этом прибирали к рукам имущество покойных родителей. В семьях, и без того уже больших, таким детям мало что перепало. Их принимали, терпели и редко любили. Просто еще один едок, которого подкармливали лишь потому, что нужны были деньги. Куизлю становилось ясно, что эти сироты считали ласковую Штехлин второй матерью.

– Когда они были у тебя в последний раз? – спросил он Марту.

– Позавчера.

– Значит, в день перед ночным убийством. Петер тоже?

– Да, конечно. Такой внимательный был мальчик... – По засохшей крови на лице потекли слезы. – У него не стало матери. Она умерла у меня на руках. Петер и София, все-

то они хотели разузнать. Как я стала знахаркой, какие травы беру... Всегда следили, как я растирала порошки... София говорила, что тоже хочет когда-нибудь стать знахаркой.

– И долго они оставались?

– Пока темнеть не начало. Я отправила их по домам, когда меня позвали к жене Клингенштайнера. Я до вчерашнего утра у них оставалась, тому есть свидетели!

Палач покачал головой.

– Тебе от них проку мало. Я вчера вечером еще раз поговорил с Гриммером. Петер, судя по всему, домой не являлся. Йозеф сидел в трактире до самого закрытия, а когда утром пошел будить сына, кровать оказалась пустой.

Штехлин вздохнула.

– Значит, я последняя, кто его видел.

– Так-то, Марта. Дрянь твое дело. Снаружи судачат всюю.

Марта плотнее закуталась в шаль и сжала губы в тонкую линию.

– И когда ты возьмешься за клещи и тиски? – спросила она.

– Совсем скоро, если верить Лехнеру.

– Может, сразу признаться?

Куизль помедлил. Эта женщина принимала роды у его жены, и он был в долгу перед ней. Кроме того, Якоб при всем желании не мог представить себе, чтобы она могла нанести Петеру такие раны.

– Нет, – сказал он, наконец. – Будем тянуть. Лги, сколько сможешь. Постараюсь не причинять сильной боли, обещаю.

– А когда дольше будет уже нельзя?

Куизль вытряхнул потухшую трубку. Потом указал мундштуком на Марту.

– Я отыщу ту собаку, которая сотворила это. Обещаю. Только продержись, пока я отыщу эту тварь.

Затем он резко развернулся и шагнул к выходу.

– Куизль!

Палач помедлили и оглянулся на знахарку. Голос ее теперь перешел в шепот.

– Есть еще кое-что. Возможно, тебе следует знать...

– Что?

– Я держала альраун в шкафу...

– Аль... ты же знаешь, его считают творением дьявола.

– Знаю. В любом случае он пропал.

– Пропал?

– Да, пропал. Вчера.

– А остальное все на месте?

– Не знаю. Я заметила прямо перед тем, как пришел Гриммер с людьми.

Куизль стоял в дверях и задумчиво грыз трубку.

– Занятно, – пробормотал он. – А в прошлую ночь не полнолуние ли было?

Он вышел, не дожидаясь ответа. Дверь за ним с грохотом захлопнулась на замок. Марта завернулась в плащ, легла на солому и беззвучно заплакала.

Палач со всех ног мчался к дому Штехлин. Шаги его гремели по переулкам. Группа крестьянок с корзинами и мешками с изумлением посмотрели вслед гиганту, который так стремительно пронесся мимо них. Потом все до одной перекрестились и продолжили разговор об ужасном убийстве маленького Петера и Гриммере, вдовце и выпивохе.

Якоб еще раз обдумал на ходу то, что сказала ему знахарка. Альрауном называли корень мандрагоры, растения с желто-зелеными ягодами, дурманящими разум. Сам корень выглядел как маленький засохший человечек, потому его часто использовали при заклинаниях.

Будучи размолотым, он применялся как составная часть для пресловутой летучей мази, которой ведьмы смазывали свои метлы. Поговаривали, будто он хорошо рос под виселицами, питаемый мочой и спермой повешенных, однако Куизль еще ни разу не видел, чтобы хоть один корешок вырос на висельном холме Шонгау. Доподлинно он знал лишь, что корень этот был замечательным средством для обезболивания и остановки беременности. Если у Штехлин нашли альраун, смертный приговор ей обеспечен.

Но кто же украл у Марты растение? Кто-то, желавший ей зла?

Кто-то, кто захотел, чтобы ее заподозрили в колдовстве?

Возможно, однако, что знахарка просто где-то потеряла запретный корень. Куизль прибавил шагу. Скоро он сам сможет все выяснить.

Через некоторое время Якоб уже стоял перед домом Штехлин. Глядя на разбитые дверь и окна, он уже не надеялся что-нибудь здесь отыскать.

Палач толкнул дверь, и она, слетев со скрипом с петель, провалилась внутрь. Комната выглядела так, словно Штехлин экспериментировала с порохом и сама при этом взлетела на воздух. Глиняный пол покрывали осколки горшков, и символы на них указывали на их прошлое содержимое. Стоял крепкий запах перечной мяты и полыни.

От стола, стула и кровати остались одни обломки, разбросанные по комнате. Котелок с кашей откатился в угол, содержимое его вытекло маленькой лужей, и на ней отпечатались следы, ведущие к двери в сад. На травяных мазях и порошках, размазанных и рассыпанных по полу, тоже можно было разглядеть затертые следы. Выглядело так, будто в гостях у знахарки побывала половина Шонгау. Якобу вспомнилось, что вместе с Гриммером ее дом штурмовали не меньше дюжины человек.

Палач внимательнее присмотрелся к следам и вдруг насторожился. Среди больших были отпечатки и поменьше. Почти затоптанные, но все еще заметные. Детские следы.

Он оглядел всю комнату. Котелок. Поломанный стол. Следы. Разбитые горшки. Что-то в нем яростно рвалось наружу, но он никак не мог понять, что. Что-то такое, что не давало покоя...

Палач пожевал погасшую трубку и в задумчивости вышел из дома.

Симон Фронвизер сидел в гостиной перед очагом и смотрел, как варится кофе. Он закрыл глаза и вдыхал необычный и бодрящий аромат. Симон любил запах и вкус этого экзотического напитка, без которого теперь жить не мог. Год назад аугсбургский торговец привез в Шонгау мешок маленьких жестких зерен. Купец расхваливал его как чудодейственное средство с Востока. Будто турки пили его, чтобы вызвать в себе жажду крови, и что в постели напиток также творил чудеса. Симон не мог сказать с уверенностью, что из рассказанного заслуживало доверия. Он просто знал, что любил кофе и после него мог еще часами просиживать за книгами, не чувствуя усталости.

Бурый напиток вскипел в котелке. Симон взял глиняную чашку, чтобы перелить туда кофе. Быть может, под его воздействием Симону удастся разъяснить что-нибудь в смерти Гриммера-младшего. С тех пор как он вчера попрощался с палачом, ужасное событие никак не давало ему покоя. Кто мог сотворить такое? Да еще этот знак...

С треском распахнулась дверь, и в комнату вошел отец. Симон сразу понял, что ругани не избежать.

– Опять ты вчера у палача был. Показывал этому шарлатану труп мальчика... Не смей отрицать. Кожевник Ханнес мне все рассказал. И с Магдаленой опять разгуливал!

Симон закрыл глаза. Он вчера и вправду еще раз встречался с Магдаленой у реки. Они гуляли. Он вел себя как идиот, боялся посмотреть ее в глаза и только и делал, что бросал в реку камешки. Кроме того, он рассказал ей все, что успел надумать по поводу смерти мальчика. Что не верит в виновность Штехлин, что боится нового суда над ведьмами, как семь-

десять лет назад... Он болтал, как шестилетний, хотя при всем этом хотел, собственно, лишь сказать, что любит ее. Должно быть, кто-то их увидел. В этом проклятом городе невозможно остаться наедине.

– Все возможно. Тебя-то что беспокоит? – Симон налил себе кофе. Он избегал смотреть отцу в глаза.

– Что меня беспокоит? Да ты сумасшедший!

Как и сын, Бонифаций Фронвизер не отличался высоким ростом. Однако, как многие низкорослые люди, легко выходил из себя. Глаза выскочили из орбит, кончик уже седой бородки задрожал.

– Я пока еще твой отец! – закричал он. – Ты хоть ведаешь, что творишь? Мне годы потребовались, чтобы мы могли здесь обосноваться, а тебе это достается задаром! Ты мог бы стать первым настоящим врачом в городе! И губишь все, встречаешься с этой стервой и ходишь к ее отцу! Люди болтают, хоть это ты можешь увидеть?

Симон уставился в потолок, пропуская упреки мимо ушей. Он знал их уже наизусть. Отец прошел войну простым полевым хирургом. Там же он познакомился с матерью Симона, простой торговкой. Когда она умерла от чумы, Симону исполнилось семь лет. Еще пару лет отец с сыном ухаживали за солдатами, прижигали раны кипящим маслом, ампутировали ноги. Когда война закончилась, они мотались по стране в поисках пристанища. Здесь, в Шонгау, их наконец, оставили. За последние годы отец усердием и честолубием добился сначала звания цирюльника, а затем стал кем-то вроде городского врача. Но у него не было образования. Городской совет терпел его лишь потому, что местный цирюльник ничего не умел, а приглашать врача из Мюнхена или Аугсбурга было слишком дорого.

Бонифаций Фронвизер отправил сына учиться в Ингольштадт. Но деньги закончились, и Симон вынужден был вернуться в Шонгау. С тех пор отец экономил каждый пфенниг и ревностно следил за своим отпрыском, которого считал щеголеватым и легкомысленным.

– ...когда другие гонятся за порядочными девушками. Вот Йозеф, к примеру, ухаживает за дочерью Хольцхофера. Вот это, я понимаю, партия! Здесь-то можно чего-нибудь добиться. А ты!.. – закончил отец свой монолог.

Симон давно уже не слушал. Он прихлебывал кофе и вспоминал Магдалену. Ее черные, всегда смеющиеся глаза, пышные губы, смоченные красным вином, которое они вчера взяли с собой в кожаной фляге. Несколько капель упало ей на корсаж, и Симон дал ей платок.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Обратной стороной ладони отец отвесил сыну затрещину, так что кофе выплеснулся в дальний угол комнаты. Котелок со звоном упал на пол и подпрыгнул. Симон потер щеку. Отец стоял над ним, худой и дрожащий. Капли кофе забрызгали его и так запачканный кафтан. Он понимал, что зашел далеко. Сыну было уже далеко не двенадцать лет. Но все-таки он был его сыном, они столько пережили вместе, и он желал ему только добра...

– Я сейчас иду к палачу, – прошептал Симон. – Если хочешь остановить меня, можешь пырнуть скальпелем.

Затем он схватил несколько книг со стола и захлопнул за собой дверь.

– Вот и иди к Куизлю! – прокричал отец ему в спину. – Посмотрим, что из этого выйдет!

Бонифаций наклонился и поднял с пола осколки чашки. Потом с громким проклятием вышвырнул их через открытое окно, вслед уходившему сыну.

Ослепленный яростью, Симон мчался по переулкам. Отец был таким... таким упрямым! Он мог еще понять старика, когда речь шла о будущем сына, учебе, хорошей жене, детях. Хотя в университет Симон больше уже ни за что не пойдет. Покрытые пылью, наизусть вызубренные знания, которые отчасти исходили еще от греческих и римских ученых... Да и отец, собственно, кроме слабительного, перевязок и кровопусканий, ничего

больше не использовал. Вот у палача дома веяло какой-то свежестью – у Куизля имелся «Парамирум» Парацельса и его же «Параграмум». Книжные сокровища, которые Симону временами позволялось брать.

Свернув на Улицу речных ворот, он натолкнулся на кучку детей, стоявших группой. Из центра ее доносился крик. Симон встал на цыпочки и рассмотрел крупного, широкого в плечах мальчишку, усевшегося на девочку. Тот крепко прижал ее коленями к мостовой, а правый кулак то и дело обрушивался на жертву. С губ девочки текла кровь, правый глаз уже заплыл. Дети и подростки сопровождали каждый удар подбадривающими криками. Симон растолкал ревушую толпу и сгреб мальчишку за волосы.

– Сборище трусов! – закричал он. – Бить девчонку... стыдно должно быть!

Толпа неохотно расступилась лишь на несколько шагов. Девочка села на мостовой и убрала с лица волосы, перепачканные в помоях. Глаза ее бегали из стороны в сторону, словно она искала лазейку между подростками, куда можно улизнуть.

Крупный мальчишка вырос перед Симоном. Ему было лет пятнадцать, и ростом он превосходил лекаря на полголовы. Симон узнал его. Это был Ханнес, сын Бертольда, пекаря с Винной улицы.

– Не вмешивайтесь, доктор, – прогремел он. – Это наше дело.

– Когда маленькой девочке выбивают зубы, то это и мое дело тоже, – возразил Симон. – Я ведь, как ты сам сказал, доктор. А значит, должен подсчитать, во сколько тебе все обойдется.

– Что обойдется? – Ханнес наморщил лоб. Умом он явно не отличался.

– Ну, если ты причиняешь вред девочке, тебе и раскошелиться. И свидетелей у нас достаточно. Или как?

Ханнес неуверенно оглянулся на приятелей. Некоторые уже пустились наутек.

– София – ведьма! – вмешался другой мальчишка. – У нее рыжие волосы, а еще она вечно ошивалась у Штехлин. Как Петер, а он теперь мертвый.

Остальные согласно заворчали.

Симон внутренне содрогнулся. Началось. Уже. Совсем скоро в Шонгау не останется никого, кроме ведьм и тех, кто будет их ловить.

– Вздор, – воскликнул он. – Если она ведьма, то почему же позволила вам себя избивать? Она давно бы уселась на метлу и убралась восвояси. А теперь пошли вон!

Толпа невольно разошлась. Симон при этом то на одного, то на другого бросал гневливый взгляд. Когда мальчишки отошли на расстояние брошенного камня, он услышал их крики:

– Да он спит с палачихой!

– Уж она-то накинет ему петлю на шею!

– Его же и на голову-то не укоротишь, он и так короткий!

Симон вздохнул. Его еще неокрепшая связь с Магдаленой уже перестала быть тайной. Отец был прав, люди болтали.

Он склонился над девочкой и помог ей встать.

– Правда, что вы с Петером постоянно бывали у Штехлин?

София утерла кровь с губ. Пыль забила в длинные рыжие волосы. Симон дал бы ей на вид лет двенадцать. Под слоем грязи он рассмотрел ее смышенное лицо. Лекарь припомнил, как ему показалось, что она была родом из семьи кожевника с Речного квартала. Родители умерли в последнюю эпидемию чумы, и ее приняла другая семья кожевников.

Девочка молчала. Симон взял ее за плечи.

– Я хочу знать, была ли ты с Петером у Штехлин. Это важно! – повторил он.

– Может, и была, – проговорила она.

– И ты видела Петера еще раз вечером?

– Штехлин про то ничего не знает, и да поможет мне Бог.

– Кто еще был?

– Пе... Петер после еще спустился к реке... Один.

– Зачем?

София поджала губы. Она избегала его взгляда.

– Зачем, я спрашиваю?

– Он сказал, это тайна. Он... он хотел еще с кем-то встретиться.

– С кем?

– Не сказал.

Симон встряхнул Софию. Он чувствовал, что девочка чего-то недоговаривала. Она неожиданно вырвалась и устремилась в ближайший переулок.

– Стой!

Симон бросился за ней. София бежала босиком, ее ножки шлепали по утоптанной глине. Она уже достигла Бранного переуллка и затерялась среди служанок, возвращавшихся с рынка с полными корзинами. Когда Симон проскочил среди них, то задел одну из корзин. Та выпала из рук служанки, и редька, капуста и морковь разлетелись по всей улице. За спиной Симон услышал яростные крики, но остановиться не мог из страха упустить девочку. София оказалась шустрой; она уже исчезла за следующим поворотом, там переулки были не так многолюдны. Симон придерживал одной рукой шляпу и мчался за девочкой. Слева два дома упирались крышами друг в друга, и между ними вел узкий, едва втиснешься, проулок. На земле лежали кучи мусора и всякого хлама, а по другую сторону Симон увидел удирающую фигурку. Он выругался, распрощался с сапогами, пропитанными говяжьим жиром, и перескочил первую грудку мусора.

Юноша приземлился прямо в лужу помоев, поскользнулся и плюхнулся в кучу строительного мусора, гнилых овощей и осколков ночного горшка. Шаги вдалеке постепенно затихли. Симон со стоном поднялся, и на верхних этажах начали открываться окна. Озадаченные жители рассматривали порядком измученного лекаря, который устало собирал с плаща листья салата.

– Вконец погрязли в собственном дерьме! – выкрикнул он вверх и заковылял в сторону Речных ворот.

Палач рассматривал сквозь стеклышко горсть желтых кристаллов, мерцающих под пламенем свечи. Кристаллы были подобны снежинкам, совершенны по форме и огранке. Якоб улыбнулся. Когда он вникал в таинства природы, он не сомневался в существовании Бога. Кто же иначе смог бы сотворить столь прекрасные произведения искусства? Человек подражал в своих открытиях лишь своему Создателю. Правда, тот же Бог допускал, чтобы люди мерли как мухи, сраженные чумой и войной. В такие мгновения сложно было уверовать в Господа, но Куизль усматривал его сущность в красотах природы.

Как раз когда он с помощью пинцета осторожно разложил кристаллы по пергаменту, служившему подкладкой, в дверь постучали. И прежде чем он успел что-либо сказать, она приоткрылась, образовав узкую щель. В комнату ворвался сквозняк и сдул пергамент к краю стола. Якоб с проклятием схватил его, чтобы тот совсем не упал, но часть кристаллов все же провалилась между досками стола.

– Кто, черт побери...

– Это Симон, – успокоила его жена, которая и открыла дверь. – Хотел вернуть тебе книги. А еще побеседовать. Говорит, что срочно. И не ругайся так громко, дети уже спят.

– Пусть заходит, – пробурчал Куизль.

Когда он оглянулся на Симона Фронвизера, то увидел, что гость вдруг перепугался. Только теперь он заметил, что так и не снял монокль. Сын врача уставился на зрачок величиной с дукат.

– Безделушка, – пробормотал Якоб и снял оправленную в латунь линзу. – Но иногда чертовски полезная.

– Откуда она у вас? – спросил Симон. – Такая стоит целое состояние!

– Скажем так, я оказал услугу одному советнику, а он отблагодарил меня... – Якоб приняхался. – От тебя воняет.

– Я... я вляпался. По пути сюда.

Палач махнул рукой, затем протянул Симону линзу и показал ему желтую кучку на пергаменте.

– На-ка, взгляни. Что скажешь об этом?

Симон склонился с моноклем над крупинками.

– Это... это потрясающе. Такой линзы я еще...

– Я про зернышки спрашиваю.

– Ну, по запаху я бы сказал, что сера.

– Нашел среди глины в кармане у Гриммера-младшего.

Симон сорвал монокль и взглянул на палача.

– У Петера? Но как она попала к нему в карман?

– Мне тоже интересно.

Якоб взялся за трубку и принялся ее набивать. Симон тем временем ходил из угла в угол по комнатке и рассказал о встрече с девочкой. Палач время от времени что-то бормотал, а в остальном был полностью поглощен своим занятием. Когда Симон закончил рассказ, Куизля уже окутывал табачный дым.

– Я был у Штехлин, – сказал он, наконец. – Дети и в самом деле бывали у нее. Кроме того, пропал альраун.

– Альраун?

– Волшебный корень.

Куизль в двух словах поведал ему о разговоре со знахаркой и беспорядке в ее доме. При этом он делал долгие паузы и во время них глубоко затягивался. Симон тем временем уселся на табурет и нетерпеливо ерзал туда-сюда.

– Ничего не понимаю, – сказал, наконец, юный лекарь. – У нас есть мертвый мальчик с ведьмовским символом на плече и серой в кармане. Есть знахарка в качестве главной подозреваемой, и у которой украли альраун. И есть еще шайка сирот, которые знают больше, чем говорят. Ну, и как это все связать?

– А еще у нас есть очень мало времени, – проворчал палач. – Через несколько дней приезжает управляющий. К этому времени нужно сделать из Штехлин виновную, иначе совет с меня шкуру спустит.

– А если вам просто отказаться? – спросил Симон. – Никто ведь не может вас заставить...

Куизль покачал головой.

– Тогда они наймут другого, а я буду искать работу. Нет, поступим иначе. Нам нужно отыскать убийцу, и как можно скорее.

– Нам?

Палач кивнул.

– Мне потребуется твоя помощь. Со мной ведь никто не станет говорить. Высокие господа носы воротят, даже если издалека видят. Причем... – добавил он с улыбкой, – теперь они, наверно, и от тебя носы морщить начнут.

Симон осмотрел свой запачканный вонючий камзол, покрытый бурыми пятнами. На левой штанине повыше колена зияла дыра. Со шляпы свисал жухлый листок салата. Про засохшие пятна крови на кафтане можно и не говорить... Ему понадобится новая одежда, и он понятия не имел, откуда взять деньги. Быть может, совет подкинет за поимку убийцы несколько гульденов?

Симон еще раз обдумал предложение палача. Что он, в самом деле, терял? Уж точно не репутацию, ее он давно утратил. И если он хотел в будущем продолжать встречаться с Магдаленой, то выйдет лишь на пользу, если он поладит с ее отцом. А кроме этого, были книги. Вот и сейчас на столе лежал рядом с моноклем потрепанный труд Афанасия Кирхера, в котором тот рассказывал о крошечных червячках в крови. Монах пользовался так называемым микроскопом, который все увеличивал во множество раз, примерно как монокль Куизля. За одну только возможность почитать эту книгу в кровати, да с чашкой горячего кофе...

Симон кивнул.

– Да, можете на меня рассчитывать. И еще, книга на...

Ему так и не дали высказать своего желания вслух. Дверь распахнулась, и в комнату влетел стражник Андреас, глотая воздух.

– Простите за позднее вторжение, – прохрипел он. – Но дело не терпит. Мне сказали, я здесь найду сына Фронвизера. Вашему отцу нужна помощь!

Андреас был белым как полотно и выглядел так, словно повстречал дьявола собственной персоной.

– Да что же, ради всего святого, случилось? – спросил Симон. Про себя он все размышлял, кто мог увидеть, как он шел к дому палача. В этом городе, казалось, шагу нельзя было ступить незамеченным.

– Сын лавочника Кратца при смерти, – из последних сил выпалил Андреас. Рука его то и дело тянулась к висевшему на шее кресту.

Куизль, до сих пор молча слушавший, не выдержал. Он стукнул ладонью по шаткому столу, так что подскочили монокль и шедевр Афанасия.

– Несчастный случай? Говори уже!

– Всё в крови... Ох, сохрани нас господь, на нем знак! Как у Гриммера...

Симон вскочил с табурета. Он почувствовал, как в нем разрастается страх.

Куизль пристально посмотрел на него сквозь клубы дыма.

– Спокойно. Отправляйся туда. А я проведу Штехлин. Не знаю, в тюрьме ли она вообще.

Симон схватил шляпу и выбежал на улицу. Краем глаза он увидел заспанную Магдалену, та помахала ему из окна. У него появилось предчувствие, что в ближайшие дни у них будет не особенно много времени друг для друга.

Человек стоял у окна, почти вплотную к тяжелым красным шторам. На улице ступили сумерки, но это, в принципе, не имело значения. В этой комнате всегда царили сумерки – мрачный, серый полумрак, который за весь день даже солнечные лучи не могли разогнать. Внутренним взором человек представлял себе солнце над городом. Оно всходило и опускалось, снова и снова, и никому его не остановить. Этот человек тоже никому не позволит себя остановить, хоть сейчас и произошли некоторые заминки. И они его раздражали... Он развернулся.

– Ну какой же ты тупица! Ты на что-нибудь вообще годен? Почему ты хоть раз не можешь нормально довести дело до конца?

– Я все сделаю.

Полумрак позволял разглядеть еще одного человека. Он сидел за столом и ковырялся ножом в мясном пироге, словно в брюхе у забитой свиньи.

Человек у окна плотнее задернул шторы и вцепился пальцами в ткань. Его охватил новый приступ боли. Времени почти не осталось.

– Зачем вообще надо было затевать все это с детьми? Теперь начнут болтать...

– Никто не начнет болтать, положишься на меня.

– Несколько человек уже засомневались. Остается лишь надеяться, что знахарка признается. Палач начал задаваться ненужными вопросами.

Человек за столом продолжал, лихорадочно орудуя ножом, размельчать пирог в кашу из мяса и теста.

– Ха, палач! Кто поверит палачу?

– Не надо недооценивать Куизля. Он хитер как лис...

– Ну, на лис обычно капканы ставят.

Человек у окна шагнул к столу и хлестнул сидящего обратной стороной ладони. Тот схватился за щеку и злобно посмотрел в лицо своему истязателю. Он заметил, как старик хватается за живот и задыхается от боли. Губы скривила легкая усмешка. Совсем уже скоро хоть одной заботой станет меньше.

– Заканчивай с этим безумием, – проговорил старик с перекошенным от боли лицом. Внутри словно тупыми иглами пронзало всю брюшную полость. Он перегнулся через стол. – Оставь это дело. Теперь я сам все улажу.

– Не могу.

– Не можешь?..

– Я поручил уже кое-кому все сделать. Он никогда не промахивается.

– Отзови его. Довольно. Штехлин признается, мы получим свои деньги.

Старшему пришлось сесть. Лишь короткая пауза. Ему тяжело было говорить. Проклятое тело! Оно еще нужно ему. Совсем недолго, до тех пор, когда они получают деньги. Тогда он сможет спокойно умереть. Под угрозой стояло дело всей его жизни, а эта бестолочь только все портила. Но не испортит до той поры, пока сам он еще дышит. Пока он дышит...

– Пирог великолепен. Хочешь?

Мужчина наколот на нож разбросанные по столу кусочки мяса и с наслаждением принялся жевать.

Старик из последних сил мотнул головой. Собеседник улыбнулся.

– Успокойся, все будет нормально.

Он вытер жир с подбородка, взял шпагу и направился к выходу.

Не дожидаясь стражника, Симон поспешил к дому Кратца, который находился в узком проулке в квартале у Речных ворот. Клемент и Агата Кратц слыли усердными торговцами, которые за годы нажили некоторое состояние. Пятеро их детей ходили в местную гимназию, и родители не делали никаких различий между четырьмя собственными и сиротой Антоном, которого совет им назначил после смерти родителей.

Клемент Кратц сгорбившись сидел у прилавка и правой рукой бездумно гладил по плечу жену, которая прижалась к мужу и рыдала. На прилавке перед ними лежал труп мальчика. Симону не пришлось долго гадать о причине смерти. Маленькому Антону кто-то аккуратно перерезал горло. Засохшая кровь окрасила багровым его льняную рубашку. Глаза десятилетнего паренька уставились в потолок.

Когда его нашли час назад, он еще хрипел, но через несколько минут душа покинула маленькое тело. Городской врач Бонифаций Фронвизер только и смог, что зафиксировать факт смерти. Когда вошел Симон, все было уже закончено. Отец быстро окинул сына взглядом и сложил инструменты. Затем выразил свои соболезнования родителям и, не произнося больше ни слова, ушел.

Когда Бонифаций покинул дом, Симон с минуту молча сидел у головы мертвеца и рассматривал бледное лицо мальчика. Второе убийство за два дня... Узнал ли Антон своего убийцу?

Наконец, лекарь повернулся к отцу мальчика.

– Где его нашли? – спросил он.

Ответа не последовало. Родителей окутало пеленой горести и печали, куда с большим трудом проникал человеческий голос.

– Прошу прощения, но где вы его нашли? – повторил Симон.

Только теперь Клемент Кратц поднял глаза. Голос его был осипшим после рыданий.

– У порога. Он захотел только сбежать быстренько к друзьям... Когда он не вернулся, мы пошли его искать. Открыли дверь, а он лежал там. В крови...

Мать снова начала всхлипывать. Четверо остальных детей сидели в дальнем углу с расширенными от страха глазами. Самая младшая дочь прижимала к груди грязную куклу из лоскутов.

Симон повернулся к детям.

– Вы знаете, куда собирался ваш брат?

– Он нам не брат, – голос старшего сына Кратца звучал, несмотря на испуг, твердо и упрямо. – Он приемыш.

И вы уж точно не раз ему об этом напоминали... Симон вздохнул.

– Итак, еще раз. Вы знаете, куда собирался Антон?

– Захотел к остальным, – мальчик смотрел ему прямо в глаза.

– К кому «остальным»?

– К другим сиротам, к кому же еще. Они всегда собирались у Речных ворот. Вот он и захотел опять к ним. Я еще в четыре часа видел с ним рыжую Софию. У них прям что-то важное было. Шушукались, как идиоты.

Симону вспомнилась девочка, которую он всего пару часов назад спас от хорошей взбучки. Рыжие волосы, дерзкий взгляд. В двенадцать лет София, похоже, успела нажать себе кучу врагов.

– В самом деле, – вмешался отец. – Они и вправду часто встречались у Штехлин. София и Марта, обе они ведьмовские отродья. Мой сын на их совести! Это они нарисовали ему дьявольский знак, уж точно!

Его жена снова принялась рыдать, так что ему пришлось ее успокаивать.

Симон подошел к трупу и осторожно перевернул его на живот. На правой лопатке действительно был такой же символ, как и у Петера. Хоть уже и не такой отчетливый – кто-то пытался его смыть. Но краска въелась глубоко под кожу, и знак выделялся на плече мальчика.

Симон почувствовал, как сзади подошел Клемент. Он с ненавистью воззрился на знак.

– Это Штехлин сотворила. И София, – прошипел он. – Точно. Сжечь их надо обеих.

Лекарь попытался его успокоить.

– Штехлин в тюрьме, она не могла этого сделать. А София еще совсем ребенок. Неужели вы верите, что ребенок...

– В девочку вселился дьявол! – закричала сзади Агата. Глаза ее покраснели от слез, лицо побледнело и распухло. – Дьявол в Шонгау! И он заберет всех наших детей!

Симон еще раз взглянул на блеклый знак на плече мальчика. Не было сомнений, что кто-то безуспешно пытался его стереть.

– Кто-нибудь из вас пытался его смыть? – спросил он громко.

Отец мальчика перекрестился.

– Мы даже не прикасались к печати дьявола, да поможет нам бог!

Остальные члены семьи тоже качали головами и крестились.

Симон вздохнул. Убеждать здесь было бесполезно. Он попросался и вышел в темноту. Позади себя юноша услышал, как снова начала рыдать Агата, а старый лавочник принялся бормотать молитвы.

Тихий свист заставил его обернуться. Ищущий взгляд заскользил по переулку. В темном углу к стене прислонилась маленькая фигурка.

Это была София.

Симон огляделся, вошел в тесный переулок и наклонился к девочке.

– В последний раз ты от меня сбежала.

– Я и в этот раз от тебя сбегу, – ответила она. – Но сначала выслушай. Про Антона спрашивал какой-то мужчина, чуть раньше перед тем, как его зарезали.

– Мужчина? Но откуда ты знаешь...

Она пожала плечами, улыбка скользнула по ее лицу. Симон мельком подумал, какой же она станет лет через пять.

– У нас, сирот, по всему городу уши. Это спасает нас от побоев.

– И как он выглядел, тот мужчина?

– Большой. В плаще и шляпе с широкими полями. На шляпе перо. И на лице длинный шрам.

– И все?

– У него была костяная рука.

– Не говори чепухи!

– Он расспрашивал у плотогонов на реке про дом Кратца, а я пряталась за бревнами. Левую руку он все время держал под плащом, но один раз тот слетел. И рука на солнце была белой. Костяная рука.

Симон наклонился еще ближе и обнял девочку за плечи.

– София, я тебе не верю. Лучше всего будет, если мы сейчас вместе пойдем к...

София стала вырываться. Глаза ее от злости наполнились слезами.

– Никто мне не верит. Но это правда! Человек с костяной рукой зарезал Антона. Он хотел встретиться с нами у реки, а теперь мертвый... – голос девочки превратился в плач.

– София, мы обо всем можем...

Девочка вывернулась из хватки Симона и побежала по переулку. Через несколько шагов она уже слилась с темнотой. Симон хотел было броситься за ней, но тут заметил, что с пояса пропал кошелек с монетами, на которые он собирался купить новую одежду.

– Ах ты...

Он взглянул на кучи помоев и фекалий в переулке. Потом решил, что гнаться все равно бессмысленно. Вместо этого он отправился домой, чтобы, наконец, хорошенько выспаться.

5

Четверг, 26 апреля 1659 года от Рождества Христова, 7 утра

Погрузившись в раздумья, Магдалена перешла мост через Лех и побрела по грязной дороге в направлении Пайтинга. В мешке у нее на плечах лежали кое-какие травы и девичий порошок, который она приготовила еще вчера. Прошло уже несколько дней, с тех пор как она обещала занести его старухе Даубенбергер. Старой знахарке было за семьдесят, и она ходила с трудом. Несмотря на это, для Пайтинга и всей округи она еще оставалась деревенской знахаркой, которую везли к себе, если случались тяжелые роды. Катарина Даубенбергер приняла на свет сотни детей. Славу ей принесли ее руки, до сих пор способные вытянуть даже самого упрямого малыша. Она слыла повитухой и целительницей, и священники с врачами смотрели на нее с недоверием. Хотя болезни она определяла неизменно точнее и лечила не в пример лучше. Отец Магдалены частенько ходил к ней за советом. В качестве небольшого одолжения он снабжал ее девичьим порошком. Ведь ему самому могли бы в скором времени понадобиться от нее какие-нибудь травы.

Когда Магдалена прошла мимо первых домов Пайтинга, она заметила, как крестьянки оборачивались ей вслед и шептались. Некоторые крестились. Дочери палача в деревне мало кто радовался. Многие полагали, что она была в сговоре с Вельзевулом. Верили также, что красота ее досталась ей не иначе как после сделки с самим сатаной. И обещала она ему уж не меньше, чем собственную бессмертную душу. Магдалена никого не переубеждала – так она, по крайней мере, могла хоть уберечься от назойливых ухажеров.

Не обращая больше внимания на крестьян, девушка свернула в правый переулочек и вскоре вышла к маленькому покосившемуся домику знахарки.

Она сразу заметила, что чего-то не доставало. Ставни, несмотря на погожее утро, были закрыты, травы и цветы в садике перед домом частично затоптаны. Магдалена подошла к двери и дернула ручку. Заперто.

Она уже поняла: что-то не так. Даубенбергер слыла особенно гостеприимной, и Магдалена еще ни разу не видела, чтобы ее дом был когда-нибудь заперт. Каждая местная женщина могла в любое время обратиться к старой целительнице за помощью.

Магдалена с силой застучала в дверь.

– Даубенбергер, ты здесь? – закричала она. – Это Магдалена из Шонгау! Принесла девичий порошок!

Прошло некоторое время, и сверху открылось чердачное окно. Катарина недоверчиво посмотрела на девушку. Что-то беспокоило старуху, морщин на лице появилось больше прежнего. Она выглядела бледной и усталой. Узнав гостью, она не сдержала улыбку.

– Так это ты, Магдалена? – крикнула она. – Хорошо, что пришла. Ты одна?

Девушка кивнула. Знахарка внимательно оглядела окрестности и скрылась в доме. Заскрипела лестница, отодвинулся засов, и дверь, наконец, отворилась. Даубенбергер торопливо завела девушку внутрь.

– Что стряслось? – спросила Магдалена, когда вошла. – Отравила бургомистра?

– Что еще может стрястись, глупая курица! – огрызнулась знахарка и поворошила угли в печи. – Прокрались они ко мне ночью, молодчики из деревни. Хотели дом поджечь. Да вовремя подоспел Михаэль Кессль, староста, прогнал всех. Иначе быть мне теперь мертвехонькой.

– Это из-за Штехлин? – спросила Магдалена и села на шаткий стул возле печи. После долгой ходьбы у нее ныли ноги.

Катарина кивнула.

– Каждая знахарка теперь снова станет ведьмой, – проговорила она. – Прямо как во времена бабушки, ничего не поменялось с тех пор.

Она села рядом с Магдаленой и наполнила кружку темным ароматным отваром.

– Выпей-ка вот, – сказала она. – Мед, пиво и аква эведра.

– Аква чего? – спросила Магдалена.

– Вытяжка хвойника. Снова на ноги поставит.

Магдалена глотнула горячий отвар. На вкус он был сладким и живительным. Она почувствовала, как к ногам возвращается сила.

– Ты в курсе, что именно происходит в ваших краях? – поинтересовалась Катарина.

Магдалена рассказала ей в общих чертах, что знала. Позавчерашним вечером во время прогулки у реки Симон рассказал ей про убитого мальчика и отметины у него на плече. Кроме этого, вчера ночью она смогла подслушать через тонкую стену в комнате обрывки из разговора отца с лекарем.

– А теперь вроде как нашли еще одного мальчика, и тоже с отметиной на плече, – закончила она рассказ. – Симона куда-то вызывали ночью. И больше он ничего мне пока не рассказывал.

– Из сока бузины, говоришь? – спросила задумчиво Катарина. – Занятно. Можно подумать, что дьявол возьмет кровь, так ведь? А с другой стороны...

– Что? – не выдержала Магдалена.

– Ну, сера в кармане у мальчика, и этот знак...

– И вправду колдовство? – спросила девушка.

– Скажем так, это символ целительниц. Старинный символ. И, насколько я знаю, означает ручное зеркало. Зеркало очень древней и могучей богини.

Старуха встала и подкинула в печь полено.

– В любом случае, нам это еще доставит хлопот. Если так будет продолжаться, я переселюсь к невестке в Пайсенберг, пока все не уляжется.

Она вдруг резко остановилась. Взгляд ее упал на потрепанный календарь, что лежал на выступе печи.

– Ну конечно, – пробормотала она. – И как я могла не вспомнить!

– Что там? – спросила Магдалена и подскочила к ней. Катарина тем временем взяла календарь и принялась лихорадочно его листать.

– Вот, – сказала она, наконец, и показала пожелтевшее изображение какой-то игуменьи с кувшином и книгой в руках. – Святая Вальбурга. Покровительница больных и рожениц. На следующей неделе ее праздник.

– И что?

Магдалена не понимала, к чему клонила знахарка. Она растерянно посмотрела на грязную картинку. Листок был с одной стороны подпален. У женщины сиял над головой венец, взор смиренно опущен.

– Ну, – начала Даубенбергер. – Праздник святой Вальбурги в пятницу первого мая. А ночь перед ним называют Вальпургиевой.

– Ночь ведьм, – прошептала Магдалена.

Целительница кивнула и продолжала:

– Если верить здешним крестьянам, ведьмы собираются той ночью в лесу недалеко от Хоэнфурха и совокупаются там с Сатаной. Быть может, отметины просто совпали со временем... в любом случае странно.

– Ты имеешь в виду?..

Катарина пожала плечами.

– Ничего я не имею в виду. Но до Вальпургиевой ночи еще неделя. И не вчера ли вы нашли уже второго убитого мальчика с таким же точно знаком?

Она устремилась в соседнюю комнатку. Магдалена последовала за ней и увидела, как знахарка заталкивала в мешок одежду и одеяла.

– Что ты делаешь? – спросила девушка изумленно.

– А что мне еще делать? – пропыхтела старуха. – Собираюсь. Пойду к невестке в Пайсенберг. Если убийства не прекратятся, мне нельзя быть поблизости. К Вальпургиевой ночи эти молодцы уж точно красного петуха мне пустят. Если здесь и вправду ведьма околачивается, не хочу, чтобы меня за нее приняли. А если нет, так им все равно нужна виновная.

Она дернула плечом и взглянула на Магдалену.

– А теперь проваливай. Лучше бы и тебе исчезнуть. Ты, как дочь палача, в их глазах ничем не лучше ведьмы.

Не говоря больше ни слова, Магдалена поспешила наружу. Пока она спускалась к реке вдоль домов и сараев, она чувствовала, как из каждого окна ее сверлили подозрительные взгляды.

Около десяти часов утра Симон сидел за дальним столом в трактире «Звезда» и отрешенно зачерпывал ложкой густой суп из баранины и моркови. Вообще-то он и не чувствовал особого голода, хотя ничего не ел со вчерашнего вечера. Воспоминания о прошедшей ночи, образ маленького Кратца, слезы родителей и тревога соседей заставляли желудок сжиматься в тугой комок, и в него при всем желании не удавалось запихнуть хоть кусочек. Здесь, в «Звезде», хотя бы царило спокойствие, и можно было еще раз обдумать вчерашние события.

Взгляд лекаря блуждал по общему залу. В Шонгау имелось с десятков трактиров, но «Звезда» считалась лучшим в округе. Дубовые столы были чистыми и гладко выскобленными, под потолком висели канделябры с новыми свечами. Несколько служанок заботились о благополучии немногих зажиточных посетителей и щедро разливали вино из стеклянных графинов.

В это время здесь сидели лишь несколько возчиков из Аугсбурга, которые ранним утром доставили грузы на склад. Из Шонгау их путь пролегал в Штайнгаден, Фюссен и далее через Альпы в Венецию.

Возчики покуривали трубки и приняли внутрь уже немало вина. До Симона доносился их громкий смех.

При взгляде на них Симону вспомнилась драка, о которой ему рассказывали плотогоны у Леха. Йозеф Гриммер повздорил с несколькими конкурентами из Аугсбурга. Потому ли был убит его сын? Но что тогда со вторым мертвым мальчиком? И человеком с костяной рукой, про которого говорила София?

Симон хлебнул разбавленного пива из кружки и задумался. Аугсбургцы с давних пор хотели новый торговый путь по швабской стороне Леха, чтобы избежать транспортной монополии Шонгау. До сих пор герцог расстраивал все их планы. Нынешние события, несомненно, сыграют им в будущем только на руку. Когда Шонгау станут избегать из-за дьявольского промысла, все больше торговцев будут настаивать на новой дороге. Тем более что именно сейчас в Шонгау решили выстроить приют для больных проказой. Немало советников полагали, что и это отпугнет торговцев от города.

Неужели того человека с костяной рукой послали из Аугсбурга, чтобы он посеял в городе страх и беспорядки?

– Это за счет заведения.

Очнувшись от своих мыслей, Симон поднял взгляд. Сам бургомистр Карл Земер встал перед ним и грохнул по столу кружкой крепкого пива с шапкой пены. Симон уставился на трактирщика. Редко когда первый бургомистр Шонгау лично заявлялся в трактир. И Симон не припоминал, чтобы он хоть раз заговаривал с ним. Не считая того случая, когда сын Земера слег с лихорадкой. Но тогда бургомистр смотрел на него свысока, словно на заез-

жего цирюльника, и с неохотой вручил несколько монеток. Теперь он дружески улыбался, уселся рядом и, поманив служанку толстым пальцем в кольцо, велел принести еще пива. Затем выпил за здоровье Симона.

– Слышал про убийство маленького Кратца. Ужасно. Создается впечатление, что у Штехлин в городе есть пособник. Ну, скоро уже все выяснится. Сегодня мы покажем ей орудия пыток.

– Почему вы так уверены, что это Штехлин? – спросил Симон, оставив тост без внимания.

Земер сделал большой глоток из кружки и вытер бороду.

– У нас есть доказательства, что она с детьми совершала дьявольские обряды. А уж на дыбе, я уверен, она признается во всех своих злодеяниях.

– Я слышал, у вас тут была драка с аугсбургцами, – не унимался Симон. – Кому-то из них неплохо досталось от Гриммера-старшего...

Карл Земер в первый миг растерялся, потом презрительно фыркнул.

– Ничего такого уж особенного, что-нибудь эдакое всегда происходит. Можешь спросить у Резль, она в тот день прислуживала.

Он подозвал девушку к столу. На вид ей было лет двадцать. Бог обделил ее красотой, наградил лишь добрыми глазами и кривым носом. Резль застенчиво опустила голову. Симон нередко замечал, как она мечтательно на него засматривалась. Среди служанок он слыл одним из милейших мужчин в городе. Тем более, что был еще не женат.

Земер предложил девушке сесть за стол.

– Резль, расскажи про драку с аугсбургцами несколько дней назад.

Служанка пожала плечами. Потом застенчиво улыбнулась, украдкой поглядывая на Симона.

– Там было несколько человек из Аугсбурга. Они сильно напились и стали придирааться к нашим плотогонам. Мол, те плохо обращаются с товарами и портят его. Что они напиваются во время рейсов, и потому-то Гриммер умудрился утопить груз.

– И что на это ответил Гриммер? – спросил Симон.

– Он разозлился и врезал кому-то. Сразу же клочья полетели во все стороны. Стражники всех увели, и стало спокойно.

Карл Земер оскалился и сделал еще глоток.

– Как видишь, ничего особенного.

Симона вдруг осенила мысль.

– Резль, а может, ты видела в тот день крупного мужчину – с пером на шляпе и шрамом на лице?

К его изумлению, девушка сразу кивнула.

– Был один. Сидел в самом углу, а с ним еще двое. Мрачные люди, наверное, солдаты. У них были сабли. И у крупного еще шрам на все лицо. И еще он немного хромал. И выглядел, будто сам дьявол его прислал...

– Они участвовали в драке?

Служанка покачала головой.

– Нет, только смотрели. Но как только все улеглось, сразу засобирались. Они пош...

– Резль, довольно, можешь возвращаться к работе, – вмешался бургомистр.

Когда служанка ушла, трактирщик свирепо воззрился на Симона.

– Что за допрос? Чего ты хочешь? Штехлин виновна, и довольно об этом. Все, что нам нужно, это успокоить город. А ты со своими расспросами только еще больше тревожишь людей. Не лезь в это дело, ни к чему хорошему это не приведет.

– Но ведь совсем не ясно...

– Не лезь, я сказал, – Земер ткнул толстым пальцем Симона в грудь. – Ты и палач. Только беспокоите всех своими вопросами. Уймись, понятно вам?

С этими словами бургомистр выпрямился и пошел не прощаясь в верхние комнаты. Симон допил пиво и направился к выходу.

Едва он переступил порог, как кто-то схватил его за кафтан. Это была служанка Резль. Она боязливо оборачивалась, чтобы их никто не заметил.

– Мне нужно еще кое-что вам сказать, – прошептала она. – Те трое...

– Да?

– Они не ушли. А только поднялись наверх. И хотели там встретиться с кем-то еще.

Симон кивнул. Если кто-то в Шонгау хотел что-нибудь обсудить, то шел в «Звезду». И если хотел, чтобы при этом никто не наблюдал за разговором, снимал комнату на втором этаже. Боковой вход позволял не проходить через общий зал. С кем же эти трое могли встретиться там, наверху?

– Спасибо, Резль.

– И еще кое-что... – служанка затравленно огляделась. Теперь голоса ее почти не было слышно, она шептала в самое ухо Симону. – Поверите вы или нет... Когда крупный со шрамом оплачивал счет, я увидела его руку. Богом клянусь, там были одни кости. Дьявол в городе, и я сама его видела...

Крик заставил служанку вздрогнуть, и она бросилась обратно в зал. Обернувшись, одарила Симона последним, исполненным тоски взглядом.

Когда девушка скрылась, Симон оглядел роскошный фасад трактира, застекленные окна и роспись по верху.

С кем встречались те трое мужчин?

Симон невольно содрогнулся. Получалось, что София говорила правду. Неужели в Шонгау действительно пожаловал сам дьявол?

– Все, Штехлин. Пора вставать.

Палач незаметно вошел в камеру и теперь дергал знахарку за плащ, который отдал ей в качестве одеяла. Марта закрыла глаза, дыхание было ровным, и на губах играла улыбка. Казалось, она витала в таком мире, где не было места страху и страданиям. Куизлю жаль было возвращать ее в жестокую действительность. В которой совсем скоро будет слишком много боли. Ей следовало набраться мужества.

– Марта, сейчас придет совет!

Теперь он потряс ее. Знахарка открыла глаза и некоторое время растерянно озиралась. А затем вспомнила. Она смахнула с лица пыльные волосы и огляделась уже как затравленное животное.

– Господи, теперь начнется... – Она начала всхлипывать.

– Не бойся, Марта. Сегодня я только покажу инструменты. Ты должна держаться. Мы найдем его, этого убийцу, а потом...

Его прервал скрип. Внутри через распахнутую дверь ворвался свет послеполуденного солнца. Вошли четверо стражников и встали у стен. За ними проследовали уполномоченные совета и судебный секретарь Иоганн Лехнер.

Когда Куизль увидел троих советников, он насторожился. Ведь на сегодня предстояло только показать орудия пыток. А для самой пытки требовалось разрешение из Мюнхена, а также присутствие управляющего. Неужели секретарь осмелится начать допрос с пристрастием по собственному усмотрению?

Иоганн Лехнер, казалось, заметил нерешительность палача. Он ободряюще кивнул ему.

– Все в порядке, – сказал он. – Эти трое советников выступят в качестве свидетелей. Чем быстрее мы уладим это дело, тем скорее в городе наступит спокойствие. Его сиятельство Зандицелль нам только спасибо скажет.

– Но... – начал Куизль. Однако взгляд секретаря дал ему понять, что возражать не имело смысла. Что ему оставалось делать? Если не случится ничего непредвиденного, ему сегодня придется еще и пытать Марту. Разве что...

Разве что свидетели переменят свое решение.

Куизль по опыту знал, что советники, приглашенные на допрос, редко позволяли себе вмешиваться. При необходимости они могли прекратить допрос, если чувствовали, что даже пытка ничего не даст.

Якоб окинул взглядом троих членов совета. Пекарь Михаэль Бертольд и младший Шреефогль были ему знакомы. А вот третий...

Шлехтер проследил за взглядом палача.

– Советник Матиас Августин заболел, – бросил он как бы между делом. – И прислал сына Георга.

Куизль кивнул, изучая троих свидетелей.

Михаэль Бертольд был не мужчиной, а слюнтяем, который обожал наблюдать за пытками и не сомневался, что Марту как ведьму следует сжечь на костре. Он и теперь уставился на нее взглядом, одновременно злобным и боязливым, словно знахарка издали могла превратить его в крысу. Палач усмехнулся про себя, пока рассматривал низенького, тощего мужчину с покрасневшими с перепоя глазами. В сером плаще и потрепанной меховой шапке тот и в самом деле походил на одну из крыс, что ночами шастали у него в пекарне.

Младший Шреефогль, который вошел в камеру вслед за пекарем, считался достойным последователем отца в совете, хотя и был временами вспыльчивым. От других членов совета Куизль узнал, что он не верил в виновность Штехлин.

Очко в нашу пользу...

Куизль рассматривал отпрыска самой могущественной семьи гончаров. Слегка вздернутый нос, высокий лоб и бледная кожа придавали ему такую внешность, какой, по представлению палача, и должен обладать настоящий аристократ. Гончары производили посуду и кафель. У них имелась в городе небольшая мануфактура, где семеро мастеровых изготавливали кружки, тарелки и плитку. Старый Фердинанд Шреефогль поднялся с самых низов и всегда слыл слегка чудаковатым. Известны были его рисунки на некоторых плитках, на которых он высмеивал церковь, совет и зажиточных крестьян.

После его смерти в прошлом году стало понятно, что сын не растратит наследство, а пустит его в ход. Еще на прошлой неделе он принял нового работника. Лишь с большим негодованием Шреефогль-младший признал, что отец передал церкви участок земли у дороги на Хознфурх. Там, где теперь возводили приют для прокаженных.

Сын гончара принадлежал к числу тех немногих людей, кто при случае не брезговал перекинуться с палачом словом-другим. Он сдержанно, но ободряюще улыбнулся.

Третьему свидетелю, Георгу Августину, Куизль не мог дать однозначной оценки. Августин-младший прослыл кутилой и до сих пор пребывал то в далеком Аугсбурге, то в Мюнхене, где от имени отца улаживал дела при дворе. Августины ведали перевозками и были в Шонгау могущественной династией. И Георг не преминул это показать, разодевшись, как щеголь, в шляпу с пером, шаровары и сапоги с отворотом. Не удостоив палача взглядом, он с интересом рассматривал Марту, которая куталась в плащ и терла друг о друга посиневшие от холода ступни. В апреле стены тюрьмы еще были холодными как лед.

– Что ж, начнем, – прорезал затянувшуюся тишину голос секретаря. – Пойдемте в подвал.

Стражники подняли люк. Лестница вела в комнату с покрытыми копотью стенами, сложенными из каменных глыб. Слева разместилась запачканная дыба с колесом с одной стороны. Рядом стояла жаровня, в которой уже несколько лет ржавели клещи всевозможных размеров. На полу лежали в беспорядке соединенные железными кольцами каменные блоки. Под потолком болтался крюк с цепями. Стражник еще вчера принес со склада тиски для пальцев и щипцы и небрежно свалил все в углу. С другой стороны громоздились ветхие стулья. Вид у камеры пыток был запущенный.

Иоганн Лехнер прошелся по камере с факелом, затем наградил палача укоризненным взглядом.

– Мог бы и прибраться немного.

Куизль пожал плечами.

– Вы так торопились, – он принялся неторопливо расставлять стулья. – Да и последний допрос уж когда проводили...

Палач хорошо помнил. С тех пор прошло уже четыре года. Он связал фальшивомонетчику Петеру Ляйтнеру руки за спиной и подвесил на крюке под потолком. Когда к ногам его привесили сорокафунтовый булыжник, руки, наконец, сломались, и Петер провизжал признание. До этого Куизль истязал его тисками и раскаленными клещами. Он с самого начала не сомневался в виновности Ляйтнера. Так же как теперь был убежден в невинности Марты Штехлин.

– Да чтоб тебя, пошевеливайся! У нас не целый день в запасе!

Секретарь уселся на стул и стал дожидаться, пока Куизль приготовит места для остальных. Палач обеими руками поднял стол и с грохотом опустил его на пол перед Лехнером. Тот наградил его очередным уничтожающим взглядом, затем достал чернильницу с пером и развернул пергамент.

– Приступим.

Свидетели расселись по своим местам. Марта жалась к противоположной стене, словно искала мышиную нору, куда можно было бы спрятаться.

– Ей следует раздеться, – сказал Лехнер.

– Но вы же хотели сначала...

– Я сказал, ее следует раздеть. Нужно проверить, нет ли на ней ведьмовских отметин. Если таковые найдутся, то вина ее будет практически доказана и допрос пойдет быстрее.

Двое стражников двинулись к знахарке, которая прижала к груди скрещенные руки и забилась в угол. Пекарь Бертхольд облизнул тонкие губы. Похоже, без зрелища он сегодня не останется.

Якоб выругался про себя. На такое он не рассчитывал. К поиску ведьмовских знаков часто прибегали во времена охоты на ведьм. Если на теле подозреваемой обнаруживались родимые пятна необычной формы, это указывало на принадлежность к дьяволу. Палачи нередко пробовали ткнуть подозрительное пятно иглой. Если кровь не шла, то не оставалось сомнений, что это ведьма. От деда Куизль узнал, что иголку можно было воткнуть так, чтобы кровь при этом не потекла. Так дело шло быстрее, и палач скорее получал свои денежки...

Треск рвущейся ткани прервал мысли Куизля. Один из стражников сорвал с Марты грязную и провонявшую сорочку, обнажая бледное и худое тело. На бедрах и плечах видны были синяки – последствия борьбы с Гриммером вчерашним утром. Штехлин пыталась прикрыть обеими руками груди и срам, и прижималась к стене подвала.

Стражник потянул вверх ее волосы, так что она закричала во весь голос. Куизль заметил, как Бертхольд пожирал тело знахарки маленькими покрасневшими глазами, словно пальцами его ощупывал.

– Так это должно происходить? Посадите ее хотя бы на стул! – Шреефогль вскочил и хотел помешать стражникам. Секретарь усадил его на место.

– Мы хотим узнать правду, поэтому эти меры необходимы... И все же дайте ей стул! Стражник нехотя подвинул стул на середину и усадил на него Марту. Ее полный ужаса взгляд перебежал с секретаря на палача.

– Состригите ей волосы, – распорядился Лехнер. – Там тоже могут быть отметины.

Когда стражник приблизился к ней с ножом, Куизль быстрым движением выхватил его у него из рук.

– Я сам.

Он осторожно срезал знахарке длинные локоны. Пряди волос падали на пол вокруг стула, и Марта беззвучно плакала.

– Не бойся, Марта, – прошептал ей в ухо Куизль. – Я не сделаю тебе больно. Не сегодня. Иоганн Лехнер прокашлялся.

– Куизль, осмотри эту женщину, есть ли на ней ведьмовские отметины.

Пекарь Бертхольд наклонился к секретарю.

– И вы думаете, он что-нибудь найдет? – прошептал он. – Я сам видел, как он носил от нее травы и еще бог знает что. А служанка Койсельбауера рассказывала...

– Господин Бертхольд, у нас нет времени выслушивать ваши рассуждения, – Лехнер с отвращением отвернулся, чтобы не чувствовать зловонного дыхания пекаря.

Он считал Бертхольда пьяницей и хвастуном, но по крайней мере в этом деле мог на него положиться. А вот насчет второго свидетеля он пока сомневался... Потому снова повернулся к Михаэлю.

– Однако, если это поможет в поиске истины, – сказал он снисходительно, – то я приму во внимание ваш совет. Господин Августин, не будете ли вы так любезны помочь палачу в осмотре?

Довольный пекарь развернулся на стуле и принялся дальше разглядывать пленницу. Августин-младший тем временем поднялся, пожав плечами, и неторопливо шагнул к Штехлин. Лицо его было гладко выбритым и бледным, словно ему не доставало солнца, и на нем выделялись зеленовато-голубые глаза. Георг практически безо всякого интереса оглядел Марту. Его палец заскользил по тощему телу, обвел кругом груди и наконец остановился на пупке.

– Повернись, – прошептал Георг.

Знахарка развернулась, ее сотрясала дрожь. Палец вновь заскользил по шее и плечам. У правой лопатки он остановился и указал на родимое пятно, которое и в самом деле казалось больше остальных.

– Что скажете?

Августин посмотрел в глаза палачу, который все это время стоял рядом.

Куизль пожал плечами.

– Родимое пятно. Что я еще скажу?

Георг не унимался. Как показалось Куизлю, на губах у него застыла легкая усмешка.

– А разве у двоих убитых не такая же отметина была на плече?

Секретарь с пекарем вскочили. И даже Шреефогль с любопытством приблизился, чтобы рассмотреть пятно.

Якоб прищурился и посмотрел внимательнее. Пятно было действительно больше обычных родимых пятен. Из него росли несколько волосков, а внизу оно образовывало что-то вроде линии.

Мужчины окружили Марту. Знахарка уже смирилась со своей судьбой и позволяла разглядывать себя, как теленка на бойне. Лишь время от времени тихонько всхлипывала.

– И в самом деле, – прошептал секретарь и склонился над пятном. – Похоже на те дьявольские отметины.

Пекарь Бертольд усердно закивал и перекрестился. Один только Шрефогль покачал головой.

– Если это ведьмовская отметина, то и меня следует сжечь вместе с ней!

Молодой аристократ расстегнул рубашку и показал коричневое пятно на волосатой груди. Оно и вправду было весьма причудливой формы.

– Это у меня с рождения. И никто до сих пор не обвинил меня в колдовстве.

Секретарь отвернулся от Марты.

– Так мы ничего не добьемся. Куизль, покажи ей орудия пыток. И поясни, что ее ожидает, если она не скажет правду.

Якоб заглянул Марте в глаза. Затем достал из жаровни клещи и шагнул к женщине. Если не произойдет чуда, ему придется начинать.

В это мгновение снаружи донесся звон сигнального колокола.

6

Четверг, 26 апреля 1659 года от Рождества Христова, 4 часа дня.

Симон вдыхал запахи весны. Впервые за последние дни он чувствовал себя по-настоящему свободно. Издалека доносилось журчание реки. Луга наполнялись сочной зеленью. Между березами и буками, на которых снова распускались почки, цвели подснежники. Лишь в тени под деревьями еще не растаяли пятна снега.

Он бродил с Магдаленой по лугам повыше реки. Они шли по тропинке, такой узкой, что им приходилось то и дело задевать друг друга. Дважды Магдалена спотыкалась и хваталась за него. И держалась дольше, чем на самом деле требовалось.

После разговора в «Звезде» Симон поспешил к реке. Ему требовалось все спокойно обдумать и подышать свежим воздухом. Вообще-то он должен был в это время смешивать настои для отца, но это могло подождать и до завтра. И вообще лучше бы ему пока не попадаться на глаза родителю. Они не перекинулись словом даже возле мертвого сына Кратца. Отец все еще не простил сыну, что тот так вот просто взял и ушел из дому к палачу. Симон знал, что через какое-то время буря поуляжется. Но до тех пор лучше бы им пересекаться поменьше. Симон вздохнул. Отец принадлежал к другому миру, где вскрытие трупа считалось кошунством, а больных лечили одними только слабительными, кровопусканиями да вонючими пилюлями. Ему вспомнилась фраза, которую отец как-то обронил после погребения умершего от чумы: «Господь решает, когда нас забрать. И не нам вмешиваться в Его промысел».

Симону смотрел на вопрос иначе. Ему вот хотелось вмешаться.

Недалеко от Речных ворот он встретил Магдалену. Мать отправила ее на луга собрать черемши. Девушка улыбнулась ему, и он просто пошел вместе с ней. На мосту им встретилось несколько прачек, и Симон прямо-таки спиной ощущал их взгляды. Но ему было все равно.

Они уже весь вечер бродили по лесам вдоль Леха. Вот она снова задела его руку. Симона бросило в жар, по коже побежали мурашки. И что в этой девушке было такого, что заставляло его терять голову? Быть может, сладость запрета? Он знал, что им с Магдаленой никогда не стать парой. Не в Шонгау – не в этом захолустье, где малейшего подозрения доставало, чтобы отправить женщину на костер. Симон наморщил лоб. Дурные мысли налетели, словно тучи.

– Что такое? – Магдалена остановилась и посмотрела на него.

– Это... Нет, ничего.

– Скажи, или мы повернем назад, и я больше не взгляну в твою сторону.

Симон невольно рассмеялся.

– Да уж, вот так угроза... Хотя и не верится, что ты ее исполнишь.

– Вот увидишь. Ну так что?

– Это... по поводу мальчика.

Магдалена вздохнула.

– Так я и думала.

Она потянула его с тропинки к дубовому стволу, который свалился в весеннюю бурю, и они сели рядом. Девушка долго смотрела вдаль и заговорила лишь через некоторое время.

– Это все ужасно. Мне тоже не дают покоя мысли о Петере и Антоне. Я часто видела их на рынке, особенно Антона. У него ведь совсем никого не было. Сирота – это же как ребенок палача. Пустое место.

Магдалена сжала пышные губы в тонкую красную линию. Симон положил руку ей на плечо, и они снова какое-то время помолчали.

– Ты знала, что у Штехлин собирались только сироты? – спросил он наконец.

Магдалена покачала головой.

– Что-то там у них произошло, – взгляд Симона блуждал над деревьями. В отдалении возвышались стены Шонгау.

Немного погодя он продолжил:

– София говорит, что в вечер перед убийством они тоже были у Штехлин. Потом все пошли домой – все, кроме Петера, который отправился к реке, чтобы с кем-то встретиться. Кто там его ждал? Его убийца? Или София врет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.